

Фридрих Тибергер

Царь Соломон. Мудрейший из мудрых

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=153064
Царь Соломон. Мудрейший из мудрых: Центрполиграф; М.: 2010
ISBN 978-5-227-02067-3

Аннотация

Царь Соломон, мудрейший из мудрых, – символ мудрости всего рода человеческого. Эпоха его царствования была проникнута обаянием образа величественного правителя. Народ переживал период мирного строительства, были доведены до совершенства торговые связи, создан Храм, объединивший в духовное целое народ Израиля и Иудеи, составлены основные книги Ветхого Завета. В сознании людей укоренились чувства законности и справедливости. Автор книги Фридрих Тибергер – всемирно известный ученый-гебраист, друг и собеседник Франца Кафки – не ставит задач необоснованного возвеличивания. Он критически оценивает источники с позиций современных исторических знаний, а его тонкий и глубокий анализ древних текстов раскрывает пронзительный трагизм непреодолимого одиночества мудрейшего из мудрых.

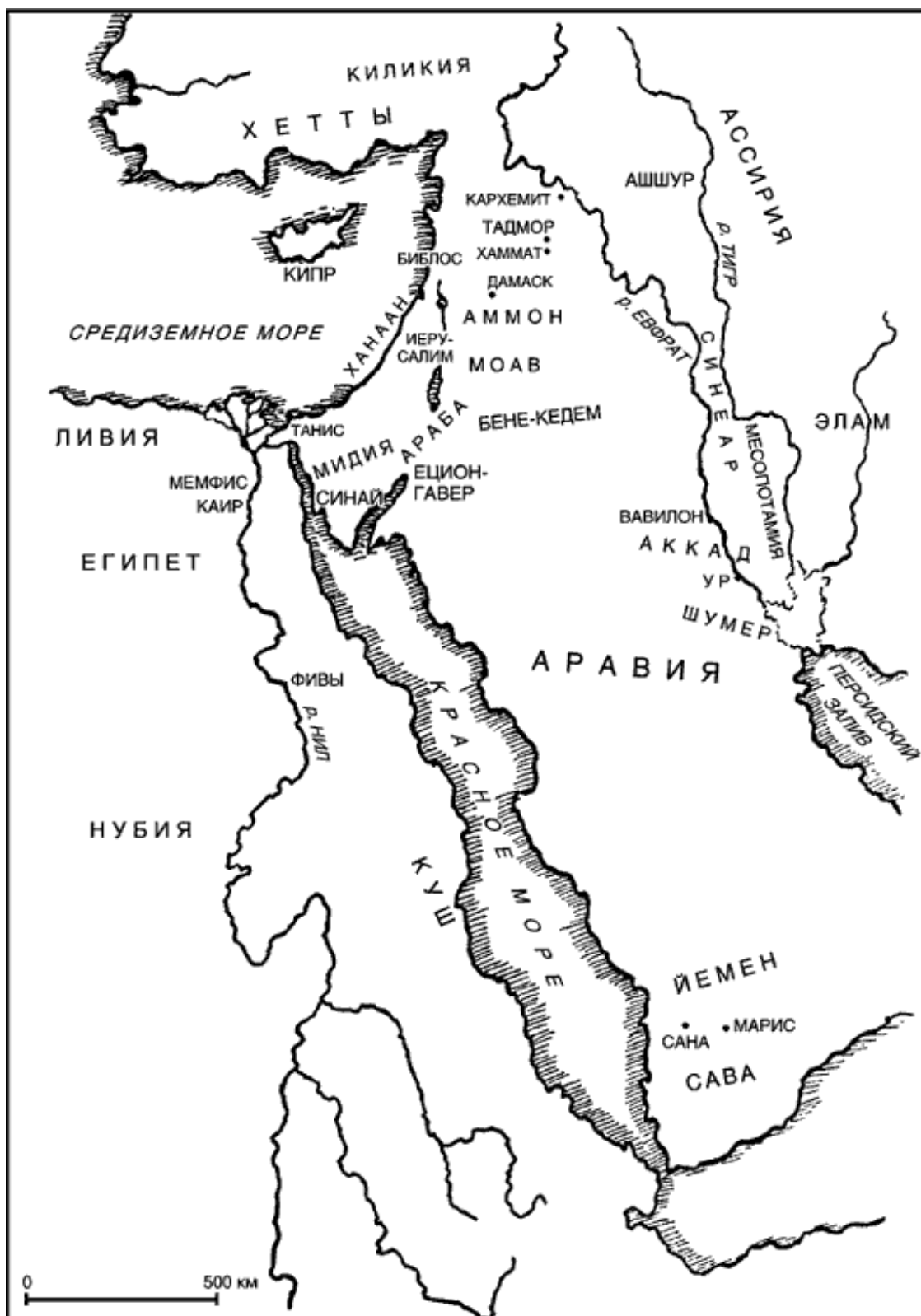
Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Фридрих Тибергер

Царь Соломон. Мудрейший из мудрых

*Памяти моего брата Эрнеста —
жертвы бесчеловечного времени*

Ближний Восток в X веке до н. э.

Глава 1

Эпоха

Наше историческое сознание, представляющее собой сплав конкретных знаний, случайного и закономерного, способно создать довольно полную картину мира. Упорядочив множество разрозненных событий, оно позволяет выявить их внутреннюю связь. Вот почему мы можем выделить несколько эпох, повлиявших на всю историю человечества. И если взглянуть пристальнее, то окажется, что в истории человечества подобных вершинных периодов не так много. Однако именно эти эпохи наполняют нас гордостью за своих предков. Они обуславливают свободу, нравственность и величие грядущих поколений, потому что дают им осознание своей силы и опору для сопротивления невзгодам жизни. Благодаря этому мы чувствуем свою причастность вечности.

Заметим также, что подобные эпохи принадлежат не одной нации, а становятся достоянием всего человечества. И теперь, глядя на них с высоты прошедших веков, мы не только пополняем исторические знания, но и обогащаемся накопленным тогда опытом.

Эпоха Соломона воспринимается именно как время, в котором сконцентрировалась мудрость всего человечества. В книге она рассматривается с высоты нашего исторического опыта, позволяющего не только углубиться в нее, но оценить критически, стараясь избежать неоправданного возвеличивания.

Автор также стремится отдать должное памяти израильских народов, странствиям патриархов и поискам цели, которые были свойственны уже ранним народам. Стремление к национальному самоопределению появилось еще в Египте, и потребовалось несколько столетий, чтобы призывы Моисея и полученные от него заповеди были осознаны как руководство к действию, став символами будущей жизни.

Когда при Иисусе Навине удалось завоевать Землю обетованную, то все дальнейшие перемены и рассеяния проходили под знаком того, что вот-вот образуется новая империя, очертания которой уже были видны. Период Судей означал и угасание порывов, и начало обновления.

Когда Илий и еще более могущественный Самуил начали разрабатывать духовную концепцию, то есть отошли от примата священничества, пытаясь образовать государство и объединить людей в общее целое, они были подавлены инстинктивным сопротивлением людей, до тех пор пока не образовалось государство Саула. Однако он не мог предвидеть, что все созданное им развалится. Давиду тоже пришлось применить силу, чтобы сосредоточить в своих руках власть. Но ему удалось только приблизиться к цели, но не достичь ее.

Только его сыну Соломону было суждено принести покой земле, лишь с виду казавшейся гладкой. Мир, пришедший с ним, покинул страну вскоре после смерти Соломона. Лишь одному поколению удалось прожить практически без военных конфликтов – в древней истории такого феномена больше не известно.

Хотя при Давиде власть была максимально централизована, военная система полностью обновлена и во всех жизненно важных пунктах воздвигались крепости, административный аппарат так и остался децентрализованным – царь был постоянно занят внутренними и внешними военными стычками.

Впервые в истории страны была создана и доведена до совершенства система торговых связей. Отвечая новым потребностям, по всей стране строили дороги, организовывали торговый флот, в шахтах и карьерах добывали природные ресурсы. В сознании людей глубоко укоренились чувства законности и справедливости. А мощное религиозное чувство нации зримо воплотилось в созданном народом величественном Храме.

В то же самое время появилась историография, которая обобщила достижения прошлых веков, составив славу израильскому народу. Именно теперь он начал воспринимать собственную историю как последовательное развитие событий начиная с периода своего рождения, минуя беспокойное Давидово время и вплоть до эпохи Соломона. Устанавливая связи между характером и судьбой, исторические достижения, возникшие в ходе продуманного планирования, стали рассматривать как чудо.

Тогда же появляются первые значительные собрания лирики и дидактической поэзии. Новый Храм стимулировал прежде всего развитие религиозной лирики. Когда в стране впервые установилась стабильность, появилась уверенность в своих силах и в преимуществах происходящего, проявилось и осознание традиции. Существование храмового хора и музыкантов предполагало наличие песен для исполнения во время ежедневных и праздничных богослужений.

В это же время появилась Псалтирь – собрание дидактических стихотворений Давида. Это породило особую разновидность поэзии, вдохновленной монотеистическими чувствами, своей чистотой и глубиной, естественно превзошедшей ту религиозную лирику, которая сохранилась с более древних египетских и вавилонских времен.

В Песни песней ярко отразилась атмосфера двора царя; это собрание любовных песен – самое чувственное и в то же время наиболее целомудренное из всех нам известных. Речь идет о песнях эпохи Соломона, поскольку из-за религиозной политики песни, созданные до времени Давида, не сохранились. Именно поэтому следует уделять такое внимание первым иерусалимским псалмам, которые были введены в традицию. Древний материал мы находим в псалмах, которые датируются, скорее всего, временем изгнания, когда образовывалась религиозная общность и где, говоря от своего имени («гласом моим», «ложусь я»), автор пишет о целом народе, и они выражают чувства, объединяющие всех членов этого сообщества. Впрочем, вряд ли тексты сохранились бы, если не расценивались бы как самое драгоценное наследие, которое следовало сберечь для будущих поколений.

Как повелось еще с античных времен, дидактическая поэзия по-прежнему занимала ведущее положение среди произведений, которые переходили от одного поколения к другому. В Книге Царств говорится, что Соломон написал «три тысячи притч, и песней его было тысяча и пять» (3 Цар., 4: 32). Принадлежность такого множества текстов одному автору может вызвать сомнение, однако не следует забывать, что он был ярчайшим деятелем своей эпохи и его тексты необычны уже этим. Притчи Соломоновы замечательно отразили дух времени и остаются образцом этики вот уже тысячи лет.

Необходимо сказать еще об одном достижении этого периода, оказавшем особое влияние на судьбу еврейского народа и всего человечества. Речь идет о монотеистическом учении, точнее, о его письменной фиксации. Именно в конце царствования Давида и в период правления Соломона были составлены основные книги Ветхого Завета. Можно сказать, что Соломон помог создать те условия, при которых удалось последовательно осуществить работу, значение которой невозможно переоценить, и сегодня человечество обладает этим сокровищем, называя ее Книгой книг.

Как и за тысячелетия до эпохи Соломона, все произошедшее как бы готовилось к этому времени, и другие поколения смотрят на эту эпоху с гордостью и некоторой завистью, что не довелось увидеть золотой век собственными глазами.

Чтобы спастись от распада и разрушения, нации необходимо обрести источник духовной силы. Не случайно в 4-й главе Третьей книги Царств описывается богатый и процветающий мир при Соломоне, противоположный тому, когда Северное и Южное царства распались: «И жили Иуда и Израиль спокойно, каждый под виноградником своим и под смоковницею своею, от Дана до Вирсавии, во все дни Соломона» (3 Цар., 4: 25).

Несколько сентиментально звучащая фраза «от Дана до Вирсавии, во все дни Соломона» (Суд., 20: 1) употреблена, чтобы обозначить крайние пределы Палестины (3 Цар., 3: 20), и прежде всего потому, что в первом стихе той же самой главы точно обозначены границы более обширной империи: «И господствовал он (Соломон) над всеми царями, от реки *Евфрата* до земли Филистимской и до пределов Египта» (2 Пар., 9: 26), то есть от Ливанских гор до середины современного Египта. Возможно, данный стих является частью плача об утерянной собственности.

Только через пятьдесят лет после Соломонова правления царь Омри попытался воссоздать классическую эпоху Иерусалима в отделившемся Северном царстве. Он защитил свое государство с помощью разнообразных средств: женился на иностранной принцессе, построил в Самарии новую столицу с великолепным дворцом, соорудил новую крепость Иерихон и попытался с помощью мирного договора, заключенного с Южным царством, хотя бы частично возобновить прежний союз Иудеи и Израиля.

Его сын Ахав, не уступавший отвагой Давиду, даже связал оба царствующих дома с помощью женитьбы. Если бы, кроме всего прочего, оба правителя отличались и культурными достижениями, тогда их стремление воссоздать нечто вроде эпохи Соломоновой смогло бы полностью изменить развитие еврейского государства, и даже всего мира, поскольку именно здесь, в Галилее, появились первые сторонники христианства.

Но пример Самарии ясно показал, что Иерусалим занял лидирующее положение среди всех других поселений благодаря не только Храму, но и особому духовному климату, сложившемуся в этом городе во время правления Соломона.

О его особой духовной силе упоминают все пророки, сочинения которых дошли до нас. Старейший из них, Амос, появился в Северном царстве через два столетия после Соломона и объявил о возрождении «павшей скинии Давидовой», то есть о необходимости объединения царств под началом Иерусалима. Негодующие слова пророков об автоматическом соблюдении обрядов показывают, что в памяти людей еще были живы воспоминания об эпохе былого процветания. Напоминание о ней воспринималось как утешение.

Исайя и Иеремия сравнивают Иерусалим, который они видят, не с городом, который представляют в своем воображении, а с тем, который остался где-то в прошлом, как детство, и обязательно возродится когда-нибудь: «Как утешает кого-либо мать его, так утешу Я вас, и вы будете утешены в Иерусалиме» (Ис, 66: 13); «Вот, наступают дни, говорит Господь, когда город устроен будет во славу Господа от башни Анамеила до ворот угольных... И вся долина трупов и пепла, и все поле до потока Кедрона, до угла конских ворот к востоку, будет святыней Господа; не разрушится и не распадется вовеки» (Иер., 31: 38—40).

Пророк Иезекииль, находившийся среди вавилонских эмигрантов, дает самое глубокое описание тех переживаний и чаяний, которые испытывали люди, находившиеся в изгнании. Он смотрит с надеждой на проблему возрождения нации в границах империи Соломона и описывает тот Храм, который видел в бытность свою священником. По форме и величине является прообразом храма Соломона, своеобразным символом и вдохновляющей национальной идеей будущего, таким он остается и для покоренной нации. «И Я, Господь, буду их Богом, и раб Мой Давид будет князем среди них. Я, Господь, сказал это» (Иез., 34: 24).

Находящаяся в центре всех пророческих книг фигура Давида отличается некоторой двойственностью. Впервые его величие было осознано именно в эпоху Соломона. Фактически именно Давид заложил ее основу, хотя и нельзя сводить все заслуги только к его личности. Но все же именно Соломону удалось установить преемственные связи и сохранить их.

В книге «Наследие Соломона» (1934) Дж. Гарстанг, подробно описывая предысторию эпохи Соломона, возвращается к самым ранним из известных периодов в истории страны. В кратком эпилоге он показал, каким выдающимся организатором являлся Соломон, сумев-

ший использовать сложное наследие – конфликтующие племена – и учесть опасность, исходившую от непрерывно интригующих друг против друга врагов.

Последующие поколения воспринимают Соломона несколько отстраненно, возможно благодаря его недостижимой мудрости. Его эпоха оказалась великой, как и все, что он создал. Но если бы вам хотелось найти правителя, который бы оказался более земным, вы бы обратились к Давиду, который поднимался, карабкался и боролся и, несмотря на годы, преодолевал сложности как друг, муж, любовник, отец, правитель, герой и художник. Он оставался живым и несчастным человеком, обуреваемым страстями и болью, нестигаемым и в то же время умеющим найти выход из неловких положений, отважным и одновременно смиренным.

Противопоставление сдержанной мудрости Соломона и человечности Давида служило опорой во времена национальных бедствий и вдохновляло стремления к стабильной мирной жизни, а царственная фигура Давида, ведущего свой народ сквозь невзгоды, казалась подобной Мессии, благословленному Господом. И то, что Давид завещал своему сыну, воздалось сторицей Соломону. В еврейской литературе упоминается «Мессия, сын Иосифа», который предшествовал «Мессии, сыну Давида». Возможно, концепция «Мессии бен Иосифа» возникла в Северном царстве, которое населяли племена Иосифа, как политическое движение, направленное против ценностей, проповедуемых Давидовым Мессией в Южном царстве. Возможно, его разрозненные фрагменты сохранились и после падения Северного царства.

Вот почему Иезекиилю в видении являются два скованных вместе раба, символизирующие Южное царство Иудеи и Северное царство Иосифа, которые давно исчезли, но должны возродиться, на что указывает двукратное повторение этого выразительного пророчества (Иез., 37: 15—28).

Верно, что Иосиф через страдания и преследования обрел настоящее благородство, стал трогательно человечным как сын и как брат. Но у него еще не было связи с еврейской национальной жизнью. Он всего лишь выполняет свою роль и предсказывает страдания «предтечи Мессии», за которым последовал победоносный «Давид Мессия».

Однако в народном сознании фигура Соломона приобрела гиперболизированные черты, ибо только посредством сверхъестественного можно было объяснить необычайность одной из самых счастливых эпох, сохранившихся в памяти человечества. Монотеизм отрицал не только магию, но даже и восхищение чудом. Однако по отношению к Соломону это считалось вполне естественным и допустимым даже в нормативном еврейском сознании.

Соломон имел власть над демонами, понимал язык животных и растений, обладал несметными сокровищами и волшебными предметами, наделял чудодейственной силой своих потомков. Рассказы о его чудесах стали частью мирового фольклора. Если мы сравним их с фольклором языческих народов, то заметим, что и здесь упоминается Соломон как волшебник и как легендарный строитель Храма. Однако и магия, и превращения совершаются по воле Бога и управляются им. В них нет противопоставления божественной силы дьявольской, а есть лишь воля Создателя всего сущего. Если в современном сознании фигура Соломона лишена магического ореола, то для миллионов людей она все равно остается символом сверхъестественной силы и образцом для подражания. Продолжатели его дела, прежде всего строительства Храма, чтобы создать свободное братское общество, и ныне собираются, чтобы поклоняться ему, как святыне.

Закономерно, что по прошествии многих веков имя Соломона становилось все более легендарным, причем вымысел, как и в рассказах о Мессии, доминировал над реальными фактами. Не приходится сомневаться в том, что это оказалось возможным, потому что речь шла о реально существовавшем человеке.

Рассматривая эпоху Соломона в общем историческом контексте, мы должны учесть еще один момент. Внутренняя энергия человека питается прямо или косвенно из духовной

сферы и обусловлена эмоциональными особенностями. Восхищение человека вещами и его желания зависят от того, что движет им, что возбуждает его. Происхождение эмоций, безусловно, зависит от контакта, который обычно спонтанно проявляется между личностью и предметами или явлениями окружающего мира.

Теперь остается только ответить на вопрос, который кажется весьма простым: почему могущественный правитель более великой и великолепной Египетской империи фараон Сусаким, младший современник Соломона, оказался в тени правителя маленького еврейского государства? Ответ, конечно, заключается в том, что, несмотря на огромный промежуток лет, существуют определенные связи между Соломоном и современным человечеством. Они сохранились, хотя миновали века, с их религиозными, литературными и художественными экспериментами и новшествами. По своему внутреннему миру Соломон ближе нам, чем правитель Египта.

Разве мы можем объяснить, почему с таким энтузиазмом и самопожертвованием поколение за поколением посвящают себя всесторонним исследованиям доизраильской Палестины, иной причиной, кроме ощущения прямой связи между тем давним временем и нашей эпохой?

Согласимся, что не так-то просто перенестись в то время, которое отделено от нас тремя тысячами веков. Тогда еще не был основан Рим, не произошли битвы, которые позже были увековечены в бессмертных поэмах Гомера. И греческая и римская культуры, да и вся европейская история, отделяют нас от эпохи Соломона.

Однако повседневная жизнь людей в те времена мало отличалась от современной. В книге «Повседневная жизнь в Древнем Египте» Эрман пишет: «Пять тысяч лет тому назад мир ничем не отличался от сегодняшнего. Все достижения и открытия человечества с того времени не привели к существенным изменениям. Одни и те же конфликты, те же самые условия расцвета или заката искусства действовали и в древности, и в современную эпоху. Изменились отдельные детали, но сохранились те же самые проблемы общественной жизни, социального устройства, законности и взаимопонимания между нациями и государствами!»

Тогда, как, впрочем, и сейчас, людям казалось, что они достигли вершины в развитии техники и уровне жизни. Духовное совершенство человечества никогда не зависело от развития знаний о природе или широты исторического кругозора, хотя именно свободные от религиозных догм умы обладали способностью к фантастическим идеям. Но именно в монотеистической концепции мира, которая и выделяет эпоху Соломона среди других культур, мы находим пути понимания мыслей, конфликтов и надежд человека далекого прошлого.

Чтобы соотнести эпоху Соломона с нашей обычной хронологией, которая основана на летоисчислении от Рождества Христова, мы должны соотнести еврейский и нееврейский календари. Прежде всего это ассирийские погодные записи, которые начали вести только через поколение после Соломона. В них указаны годы правления каждого властителя, причем начало каждого правления обозначается именем высшего чиновника (лимму). По форме эти клинописные записи близки к римским анналам, где фиксировались важнейшие события и исключительные природные явления. Так, мы читаем, что в тринадцатый год правителя Саргона Ассирийского (что соответствует первому году его правления как правителя Вавилона) лимму Пураншагал из Газана вступил в должность в первый день месяца ниссан, а в месяце сиван наступило затмение солнца.

На основании приведенных данных астрономы подсчитали, что практически полное солнечное затмение, наблюдавшееся в Вавилонии в месяце сиван, произошло 15 июня 763 года до н. э. Следовательно, мы можем определить время правления царя Салманассара II Ассирийского как период между 859—825 годами до н. э.

В упомянутой нами надписи, связанной с Салманассаром, также говорится, что 14-го лиджара лимму Дайан взял штурмом город Каркар и что иудейский правитель Ахав сражался

против него. Этот текст помогает датировать события, описанные в Третьей книге Царств, где говорится о союзе Ахава и сирийского правителя Бен-Адада. Следовательно, сражение при Каркаре произошло примерно в 853 году до н. э., что является самой ранней известной датой, относящейся к личности еврейского происхождения, упомянутой в Библии, и подтвержденной историческими данными.

Кажется, что такой способ позволяет достаточно точно датировать периоды царствования правителей, описанных в Библии, и, в частности, время правления Соломона. Но на самом деле все не так просто. В Библии отмечены только полные годы правления, в течение которых царствовал один и тот же человек, и не отмечены неполные месяцы и дни. Записи использовались лишь для фиксации событий и важных государственных документов, а не в династических или статистических целях.

Следовательно, когда новый правитель занимал трон, время его восшествия (подобная практика существовала на всем Востоке вплоть до 500 года до н. э.) отмечалось как дата правления и старого, и нового владык, следовательно, можно установить время правления по названному числу лет. Скажем, когда говорится, что «правитель N правил четыре года», означает, что он умер на четвертый год своего правления. С другой стороны, когда говорится, что «он умер на четвертый год своего правления», обозначает, что он в действительности правил три года, но не четыре.

Теперь попробуем определить, на каком году правления Ахава произошла, скажем, битва 853 года до н. э. В Библии об этом не говорится ничего, но из надписи на монументе Салманассара мы узнаем, что в 841 году до н. э. израильский царь Иеуй начал платить ему дань. На обелиске в Каллахе, старейшем памятнике, где упоминается имя Салманассара, мы видим, как Иеуй склонился перед ассирийским владыкой. Между Ахавом и Иеуем правили два сына Ахава – Ахазия и Иерохам; с учетом вышеизложенного это было в период между 841-м и 853 годами до н. э.

Следовательно, нам удалось выяснить, что Иеуй вступил на трон в 841 году до н. э. и что Ахав умер в 853 году до н. э. От даты правления Ахава вернемся назад и подсчитаем, когда правили более ранние владыки, окажется, что Ахав правил двадцать один год, Омри – одиннадцать, Элах – один, Бааса – двадцать три, Надаб – один и Иеровоам, сменивший Соломона в Северном царстве, двадцать один год. Всего получилось 708 лет. Теперь, начав с 853 года до н. э., мы получим 931 год до н. э. как дату смерти Соломона.

Наши подсчеты подтверждаются другими сведениями, связанными с правителями Южного царства. Иосафат, правитель Иудеи, стал властвовать на четвертый год правления Ахава, то есть в 871 году до н. э. До Иосафата царем был Аса, сидевший на троне сорок лет, перед ним Эбиам – два года, Ровоам, сын Соломона и его преемник, – полных семнадцать лет. Так мы добираемся до 930 года до н. э. Возможное расхождение на один год из-за перехода от лунного к солнечному календарю указывает на первую из упомянутых дат. Поскольку в Северном царстве были более частыми смены правлений внутри одного и того же периода, датировка может быть менее точной.

Так как Соломон умер на сороковой год своего правления (1 Цар., 11: 42), его царствование закончилось в 970 году до Рождества Христова. Какие же внутренние движения и перемены произошли в этот промежуток правления Соломона с 970-го по 931 год до н. э.! Действительно, этот период был отмечен войнами и катастрофами, что позволяет объяснить происходившее людям, всматривающимся в глубь веков.

За спокойным течением событий, переданным в описаниях, мы не различаем духовные переживания наших отдаленных предков. Но одно все же ясно: эпоха началась с драматичной кровавой революции, направленной против Соломона, но он сумел быстро установить контроль над ситуацией.

Следующие сорок лет на границах было спокойно, благодаря чему спокойно развивались страна и культура. Но смерть одного лишь человека повлекла за собой величайшую катастрофу, определившую всю последующую историю еврейского народа. Оказалось, что определяли развитие целой эпохи воля и стремления лишь одной личности.

Отсутствие сильной объединяющей власти привело к росту недовольства и соперничеству среди множества племен. Происшедшее нельзя объяснить существованием обременительных налогов, политической нестабильностью или религиозными противоречиями, поскольку позже ситуация как в Северном, так и в Южном царствах оказалась намного хуже. Следовательно, причина гораздо глубже: народ не смог успевать идти в ногу со своим правителем. Прошли века, прежде чем народ снова духовно возродился, и эта вторая жизнь сама породила мечту о Мессии.

С другой стороны, как жизнеподобно выглядят фигуры его предшественников: несчастный, угрюмый Саул, страстный, героический Давид – их беспокойные и неумные характеры определили всю их бурную жизнь.

И в самые напряженные моменты Соломон умел находить счастливые мгновения, позволявшие ему успокоиться, оглядеться, чтобы найти выход из сложного положения. Несмотря на недюжинный ум и поистине царскую прозорливость, он был чрезвычайно чувствительной и поэтому трагически одинокой личностью, вынужденной полагаться только на себя. У него не было ни сына, как Ионафан у Саула, ни находившегося рядом вначале преданного военачальника, а затем изменника, каким являлся Иоав у Давида. В его жизнеописаниях нет упоминаний о друзьях, помощниках или советниках – там названы только официальные лица, которые были назначены самим Соломоном. Они не могли возражать, потому что были его подчиненными, а следовательно, не могли быть и советчиками.

Кажется невероятным, что человек, столь прозорливый и искусно устанавливающий многочисленные внешние связи, построивший такое количество великолепных сооружений для своего народа, не смог позаботиться о самом себе. С редким хладнокровием, удивляющим всех позднейших историков, он просчитывал каждый свой шаг, отказываясь, например, от притязаний на северной границе, которые могли привести к внешним или внутренним конфликтам.

В каждой строчке повествований о Соломоне говорится, что его занимали гораздо более существенные проблемы, и прежде всего достижение духовного единства нации, ее территориальной целостности, надежные и свободные отношения с другими странами. Пытаясь этого достичь, он был поистине неутомим. Став царем, он шел к этим целям с неиссякаемой энергией и негибимой волей.

Действительно, он не мог терять время даром. Существовала проблема Храма и еще более острые вопросы веры и духовенства. Дворец правителя должен был демонстрировать силу нации всему цивилизованному миру, а также новую концепцию государственности.

Этим Соломон резко отличался и от Саула, продолжавшего оставаться в памяти людей крестьянским царем, который часто спал на голой земле и жил своим собственным трудом на полях и пастбищах, а также от Давида, который мог, к стыду своей жены, во время торжественной церемонии от избытка чувств вдруг пуститься в пляс.

Стремясь к царским почестям и зрелищности, Соломон не только следовал примеру других восточных правителей, но и наслаждался прекрасным искусством и мастерством ремесленников. Он собирал при своем дворе самых лучших мастеров, самые великолепные изделия.

Кроме того, в его планы входили возведение системы военных укреплений, развитие племенного коневодства, разработка рудников и собственно управление страной, населением, которое только начинало чувствовать свое единство. Это всего лишь часть проблем, которые Соломон должен был решать с первых дней своего правления.

Успешное решение любой из них могло бы составить цель жизни какого-нибудь правителя, поскольку требовало последовательного формирования единой нации, создания необходимого уровня военного и экономического развития, к чему обычно приходят спустя существенное время.

Бурная и переменчивая жизнь земледельческих племен помогала приспосабливаться к новым идеям – люди были свидетелями быстрых перемен во время правления Самуила, Саула, Давида, которые представляли не только разные типы царей, но и различные политические системы, столкновение которых могло привести к поистине разрушительным результатам, несмотря на чувство гордости, которое они вызывали самим фактом своего существования. Так происходило в тех сферах, где Давид уже попытался кое-что сделать, например в военной и административной областях.

Неизбежно сталкиваясь с реальностью, Соломон испытывал прилив интеллектуальной активности. Этим качеством, заметным в его речах и высказываниях, он отчасти близок нашим современникам.

Соломон не отличался мрачной нервозностью или излишней торопливостью. Мотивы его поступков были продиктованы ясным пониманием, что только стабильность сможет обеспечить спокойное существование и процветание еврейскому народу. И Соломон стремился в полной мере воспользоваться открывшимися перед ним возможностями. Никому из его последователей не удалось достичь того, что стало основой для развития и выживания иудаизма.

Обратим наше внимание на политический горизонт вокруг империи Соломона.

Глава 2

Окружение

Долгое время считалось, что народы, три тысячи лет тому назад населявшие Восточное Средиземноморье от Египта до Малой Азии, вели такой же первобытный образ жизни, как племена кочевников-бедуинов, до сих пор живущие в районах, граничащих с пустыней. Лишь в последние десятилетия стало понятно, что они обладали огромным опытом выживания в экстремальных условиях и их переход к оседлой жизни был вызван социальными причинами, а не только стремлением улучшить свою жизнь.

Израильские племена сражались за право на оседлую жизнь вовсе не потому, что они устали от кочевого уклада. Они не были дикарями, которые, попав в цивилизованную страну и пораженные увиденным, начали постепенно привыкать к оседлому образу жизни. В памяти еврейского народа и во всех его легендах, посвященных этим событиям, кочевая жизнь всегда рассматривалась как вынужденный и временный этап.

Любой, кому доводилось побывать на раскопках Ура, древнего города в Месопотамии, и южной Вавилонии, считающейся родиной Авраама, знает, что еще за тысячу лет до Соломона на Ближнем Востоке существовала цивилизация с развитой наукой, системой транспорта и обширными торговыми связями, там изготавливали не только повседневную хозяйственную утварь, но и предметы роскоши, выполненные искусными мастерами.

Тексты на стеле Хаммурапи подтверждают, что уже в то время существовало развитое законодательство и особое отношение к человеку. Так, если мы рассмотрим миграцию израильтян в Иорданскую землю как перемещение рассеявшихся еврейских племен (до этого двигавшихся в Египет), то обнаружим, что в описываемое нами время они встретились с другими представителями своего народа, осевшими в Ханаане в более ранний период. Вначале между ними не было единства, но со временем они образовали крепкое объединение людей, принадлежащих к одному народу.

Анализ имеющихся сведений о миграции в Землю обетованную и движении отдельных племен, после того как земля была завоевана, показывает, что израильтяне принесли в страну, находившуюся на высокой ступени развития, свою собственную культуру, отличную от других народов. Именно поэтому они не растворились в массе коренного населения.

Еще до их появления в Ханаане слились два мощных культурных потока, встретившиеся благодаря географическому положению региона на перекрестке всех транспортных дорог Восточного Средиземноморья и политической экспансии Вавилона с севера и Египта с юга. Стремясь расширить свои территории, обе этих страны неизбежно должны были проходить через Ханаан. Судьба народов, населявших этот регион с давних пор, определялась соперничеством ее могущественных соседей.

Первыми его покорили вавилоняне и оставались здесь по крайней мере восемьсот лет, их господство достигло расцвета при Хаммурапи (около 2000 года до н. э.). Около 1600 года до н. э. Египет, вынужденный защищаться от вторжений гиксосов, изгнал вавилонян, и, пройдя через Палестину и Сирию, египтяне установили в Ханаане свою власть, одновременно разместив гарнизоны во всех укрепленных пунктах.

С большим или меньшим постоянством Египет продолжал управлять Ханааном на протяжении не менее пяти сотен лет. Когда в 1200 году до н. э. израильтяне вошли в Ханаан из Египта, власть последнего ослабла настолько, что с ним перестали считаться. Вавилон также утратил свое политическое могущество.

Однако даже во время господства Египта население Ханаана, похоже, тяготело к вавилонской культуре. Обнаруженные в Тель-эль-Амарне сообщения, посланные фараону Аменхотепу IV правителями городов и командующими войсками в Палестине и Сирии (а также из Малой Азии и даже Кипра), написаны примерно за 150 лет до иммиграции израильтян в Ханаан вавилонской клинописью. Исключения немногочисленны (порядка трех из 350 записей).

Даже относительно поздние надписи из архива хеттских правителей могущественной, хотя и существовавшей недолго империи с главным городом Хаттцсой (современный Богазкей в Анатолии), распространивших свое владычество на ряд местностей, прежде всего на север Сирии, и оказывавших значительное воздействие на Палестину, написаны вавилонской клинописью. Об их контактах с израильтянами свидетельствует библейский рассказ о том, как Авраам купил землю для погребения своей жены Сарры в Хевроне у хеттов (Быт., 23: 4, 15—18). Другой персонаж, Исав, женился на хеттской девушке, которая, несмотря на свое огромное богатство, считалась чужеземкой (Быт., 4: 23, 26, 34—35).

Традиционно язык и письменность являются лучшими культурными ориентирами для понимания особенностей страны. Поэтому заметим, что развалины храмов и мест поклонения, обнаруженные во время раскопок египетских укрепленных поселений в Палестине, таких как Беф-Сан, Газер или Мегиддо, еще не свидетельствуют о преобладающем культурном влиянии Египта.

Несмотря на то что израильтяне еще не обладали такой же высокоразвитой культурой, они принесли в Ханаан свой собственный язык, возможно, даже свое собственное письмо и, главное, совершенно особую религию.

Оба государства, превосходившие по величию и богатству все другие государства Средиземноморья и Ближнего Востока, оказывали огромное влияние в ходе создания единого Израильского государства. Вместе с тем большинство населения было склонно отдать предпочтение Египту. Исход воспринимался как огромный рывок в их политической и, следовательно, религиозной истории, хотя это была любовь, соединявшаяся со страхом.

Рассказы о патриархах и происхождении нации, завораживающие подробности их маленьких радостей и огорчений, все образы их героического прошлого и скромные деяния неизменно связывались с Египтом. Они всегда думали о Египте как о благословенной земле, где они прожили счастливые годы. И когда на них обрушились невзгоды, надежда на великое спасение вела их дальше в огромный мир, туда, где им приходилось уже рассчитывать только на себя.

С точки зрения психологии вполне вероятно, что воображение людей сохраняет простое и упрощает сложное, поэтому даже сильные чувства должны представлять в легкой, понятной, конкретной форме. Все истории и легенды, связанные с Египтом, построены на антитезе черного и белого, искренне и просто душевно в них преподносятся картины страха и любви, ненависти и радости, гнева и торжества. И именно они говорят о том, что жизнь в Египте была необычайно богата переживаниями.

Отчаяние, испытанное после сытой жизни в Египте, привело к накалу страстей, в которых соединились отвращение и привязанность. Именно эти противоположные чувства проявились и в законодательстве, где явственно ощущается влияние Египта: «Не гнушайся египтянином, ибо ты был пришельцем в земле его» (Втор., 23: 7) и в то же время: «Не соглашайся с ним и не слушай его, и да не пощадит его глаз твой, не жалея его и не прикрывая его» (Втор., 13: 8).

В текстах, относящихся к периоду Судей, правлению Самуила, Саула и Давида, ничего не говорится о каких-либо политических или экономических отношениях с Египтом, хотя в то же время связи, существовавшие с Сирией (Финикией), обозначены.

Следовательно, установленные Соломоном новые отношения с Египтом казались его современникам удивительным политическим поворотом. Он стал возможен только потому, что историческое сознание нации победило его внутреннее сопротивление. С этого времени Египет оставался тесно связанным с политической и экономической жизнью Израиля. Но в высказываниях Исаака и Иеремии, несмотря на политические требования времени, мы отчетливо ощущаем прежнее двойственное отношение к «дому рабства».

Столь эмоциональные описания исторических обстоятельств сохранили живую реальность. Но отношение к Египту было лишь одним, и притом достаточно субъективным, фактором. Вторым, более объективным, фактором было положение государства на Ниле во времена первых израильских правителей.

Если сравнить тысячелетнее величие Египта с рассматриваемым периодом, то очевидно, что его влияние в регионе значительно ослабло. За власть сражались две партии: фиванские жрецы бога Амона – с одной стороны и ливийская военная клика – с другой. Ливийцы представляли собой решительную нацию, чья военная мощь постепенно росла. Вместе с другими средиземноморскими народами, которые вторглись в Африку, они были в армии лучшими наемниками. Позже их нанимали Давид и, возможно, Соломон.

Вначале победу одерживали жрецы. Верховный жрец Херихор свергнул династию потомков Рамзеса и провозгласил себя правителем Верхнего Египта. Однако одновременно Несубанебдед захватил власть в Нижнем Египте, и впервые более чем за 2000-летнюю историю Египта его единство было разрушено. Но только при втором преемнике Херихора, Пайносе, женившемся на дочери правителя Нижнего Египта, оба царства снова объединились. Его внучка стала женой Соломона.

Но к 945 году до н. э., то есть к концу правления Соломона, ливийская партия вновь так окрепла, что смогла привести к власти энергичного Сусакима в качестве первого фараона новой династии, который устремил свой взор на Запад, поддержав политических противников Соломона, ратовавших за разделение еврейского государства. И вскоре после смерти Соломона войска Сусакима вошли в Иерусалим, захватили государственную сокровищницу, видимо, как компенсацию за мирное урегулирование (3 Цар., 25: 26).

Сусахим умер в 924 году до н. э., а преемники продолжили его политику. Тогда стало ясно, что образованию объединенного еврейского государства будет неизменно препятствовать более сильный Египет.

Однако наряду с негативными мы должны отметить некоторые существенные положительные факторы, связанные с политическим влиянием Египта. Он оказался единственным составным государством, известным в ранней античности. За тысячелетия до Соломона обе его части пришли к политическому единству. Египет представлял собой узкую, почти не орошаемую дождями полосу земли, расположенную вдоль берегов Нила вплоть до современного Каира, и широкую заболоченную дельту.

Несмотря на различия в языке и религии, эта общность продолжала существовать почти в целостном виде, не испытывая влияния династий и воздействий со стороны отдельных правителей. Так, практически без потрясений она смогла выдержать правление и реформы Эхнатона (около 1350 года до н. э.).

Устав от старого идолопоклонства, оставив древнюю столицу Фивы, он захотел упразднить национальную религию и поклоняться только одному богу Солнца. В его честь он и переименовал свое имя Аменхотеп IV на Эхнатон, что означало «приветствующий бога Солнца Атона». Свой дворец, построенный близ Тель-эль-Амарны, он сделал новым центром империи, который был оставлен в забвении после его смерти на долгие времена, пока в начале XX века отсюда не были извлечены на поверхность артефакты из сухих, все сохраняющих песков Египта.

Единство Верхнего и Нижнего Египта, которого добились фараоны из династии Рамзеса, правившей в течение длительного времени, продолжало сохраняться и тогда, когда в связи с расширением контактов со средиземноморскими странами правительственная резиденция переместилась из Верхнего Египта в Дельту. Первоначально состоящая из двух частей страна получила у евреев название Мицраим. Справедливо замечают, что только благодаря искусной системе устройства каналов, по которым текли воды Нила, относительно небольшая территория, порядка 9600 квадратных миль (меньше территории Ирландии), была способна прокормить девятимиллионное население – число внушительное по современным понятиям и просто гигантское по представлениям древних. Конечно, следует учитывать исключительное плодородие илистой почвы и климат, при котором получали три урожая в год. Благодаря этому Египет мог вывозить зерно в другие страны. Хотя истоки реки не были известны египтянам, земли более чем на пятисотмильной протяженности были тщательно возделаны. Правда, там, где воды Нила не могли орошать землю, она оставалась голой.

Располагавшиеся по берегам Нила города были автономны и развивались независимо. Централизация управления страной не преследовала целей нивелировать их особенности и воспринималась населением как важная и необходимая мера. Без Нижнего Египта Верхний не имел бы свободного выхода к морю и, следовательно, практически был бы лишен связей с внешним миром.

С другой стороны, регион Дельты терял свое значение без такой протяженной реки: он напоминал бы магазин без товарного склада. Ситуация не изменилась и в настоящее время. Это понимал Наполеон, когда говорил, что в любой стране залогом благосостояния является эффективная система управления, приводя в качестве довода Египет. Похоже, что и для молодого еврейского государства Египет также представлялся идеалом государственного устройства.

Когда после долгих размышлений «собрались все старейшины Израиля» (1 Цар., 8: 1), чтобы потребовать от Самуила назначить правителя, пророк в своей речи обосновал концепцию власти. Часто ее относят к более позднему периоду, поскольку в ней содержатся резкие возражения против феодальной системы налогов и упоминание об использовании правителем рабов и солдат. Очевидно, что изменения в политической жизни обуславливали иной взгляд на роль правителя. Он был уже не просто племенным вождем, который исполнял волю большинства старейшин, как во всем Ханаане и Сирии того времени, а единолично принимал решения и возглавлял армию. Очевидно, что идею правления подобного типа израильские племена заимствовали из Египта. Только развитая монархическая система, поддерживаемая властью старейшин, давала возможность для установления контроля над правителями небольших городов Ханаана, постоянно угрожавшими только что завоеванным землям.

Собравшиеся чувствовали, что склонны принять за образец египетскую модель власти, их слова: «Итак поставь над нами царя, чтобы он судил нас, как у прочих народов» (1 Цар., 8: 5) – означают дипломатическое предложение консервативно настроенному Самуилу.

Под царствованием старейшины подразумевали просто хорошо отлаженную систему судей, в которой не было ничего необычного. Но Самуил усмотрел здесь скрытый смысл. Он также хотел перемен. Предостерегая, он говорит о правах царя как военачальника, воина-феодала, главы административного аппарата: «...Сыновей ваших он возьмет, и приставит к колесницам своим, и *сделает* всадниками своими, и будут они бегать пред колесницами его. И поставит *их* у себя тысяченачальниками и пятидесятниками, и чтобы они возделывали поля его, и жали хлеб его, и делали ему воинское оружие и колесничный прибор его» (1 Цар., 8: 11–12).

Одновременно он предупреждает о тех опасностях, которые угрожают свободе и жизни каждой личности, – все это полностью соответствовало модели египетской монархии. Но старейшины продолжали настаивать на своем, и они поняли, что Самуил услышал их. Повторив свое требование, они добавили еще одно пожелание: чтобы правитель возглавил армию.

Антимонархические нотки в ответе Самуила касаются только Соломоновой системы налогообложения, в которой ограничивались обязательные поборы. Поэтому постоянно повторяющиеся слова о военных колесницах – необходимом средстве ведения войны в Египте – не означают фактического осуществления всего того, о чем говорит Самуил.

Самуил выступал против последовательного и преднамеренного использования Соломоном опыта Египта в качестве модели государственного устройства. С помощью женитьбы на дочери фараона, которую рассматривали как подлинную правительницу и права которой были шире, чем у других наложниц, Соломон осуществлял прямые контакты с египетскими наставниками.

Кроме того, Соломон познакомился с великолепиям египетского двора, пышным церемониалом придворной жизни. Представление о могуществе государства на Ниле воплощалось в личности правителя, который был сыном бога Солнца. Вся страна принадлежала ему, а он лишь милостиво «позволял» жить своим подданным, государственные чиновники были всего лишь «глазами и ушами» правителя – это было не чем иным, как просвещенным абсолютизмом.

Любой мог обратиться со своей просьбой к правителю. Государственные чиновники перемещались по всей стране, собирая жалобы. День за днем правителю приходилось выполнять огромный объем работы, требовавший особой осторожности и профессионализма. Династиям не удалось бы продержаться так долго, если бы правители удовлетворяли только деспотическую жажду власти. За исключением жрецов, солдат и государственных чиновников, каждого горожанина могли привлечь на общественные работы: перевозить камни для сооружения храмов, дворцов и пирамид. Ему приходилось платить налоги, если он был мастером по металлу, и выплачивать деньги на содержание административного аппарата и двора.

В состав двора входил и гарем, жившие в нем женщины должны были услаждать правителя музыкой, танцами и играми. В целом египтяне были, как и евреи, моногамны, но допускался брак между братом и сестрой.

Для оптимизации системы налогообложения страну разделили на районы, и каждый египтянин был занесен в соответствующий список. За обеспечение дома правителя отвечал специальный высший чиновник, носивший титул «друга правителя», данный титул встречается и среди чиновников Давида и Соломона. В течение длительного времени термин оставался непроясненным.

Высшим чиновником, державшим в своих руках все нити управления, был визирь, которому позже, когда его обязанности изменились, помогали два наместника из Верхнего и Нижнего Египта и вице-король Нубии – области, расположенной между первым и пятым порогами Нила.

Казначей – второй высший чиновник – должен был представлять визирю ежедневный отчет о доходах и расходах по дому и наличии всего необходимого, а визирь каждое утро докладывал об этом правителю, более того, он был в государстве вторым по значению лицом, высшим судьей, который проводил заседания суда в специальном зале вместе с сенатом, состоявшим в основном из жрецов. Согласно специальным предписаниям, для судей устанавливались определенные правила в ношении одежды, порядке занятия ими своих мест и форма, в которой должны были являться на суд стороны.

Самостоятельный класс представляла собой армия, она наделялась специальными привилегиями, в частности освобождалась от налогов. На военных же возлагалась обязанность всегда находиться в полной боевой готовности, чтобы при первой необходимости принести себя в жертву интересам государства.

Ежегодно из числа представителей двух народностей, заселявших район дельты Нила, выбирали тысячу человек, из которых формировали личную стражу правителя. Очевидно, что именно по этой модели Давид устроил собственную гвардию, состоявшую из представителей двух племен.

Египетская армия, оснащенная военными колесницами, заставляла трепетать весь Восток. Сохранившиеся до наших дней документы показывают, что безусловное подчинение вышестоящим чиновникам и введенная ими практика диктаторских полномочий были отличительными особенностями внутреннего устройства государства.

Государственные секретари и писцы вели переписку и следили за порядком в архивах. Существовали государственные канцелярии, где находились меморандумы и достаточное количество копий, которые затем рассылали в канцелярии всех районов.

Однако письменность и чтение были не просто средствами коммуникации, но выполняли и эстетические функции. Люди отправлялись в храмы, чтобы читать поучения на стенах и столбах, рассматривали их как картину.

Компактность страны, отделенной от других государств пустыней или морем, общая озабоченность разливами Нила и налаженностью системы орошения, связывающей все части страны, жизнь в относительно одинаковых климатических условиях, которые настолько отличались от других стран Средиземноморья, что даже сегодня египтяне испытывают трудности с акклиматизацией в любом районе, отсутствие амбиций завоевателей – все эти факторы способствовали росту национального самосознания, которое стало отличительной чертой населения этого государства.

В то же время характерной особенностью было толерантное отношение к людям других национальностей: достаточно ознакомиться с изображением их на росписях во дворцах и храмах. Несомненно, подобное государство вызывало особый интерес у Соломона, строившего свое молодое государство на принципе формирования национального самосознания, только на совершенно иных основах.

Египетская система *власти жрецов*, наделенных земельной собственностью, оказала минимальное влияние на еврейский народ. Эта иерархическая система основывалась на принципиально иной религиозной концепции. Еврейский священник беден, потому что он получает все, хотя и не в буквальном смысле, от Бога. Только в одном отношении, связанном с организацией объединенного государства, Египет, вероятно, мог служить моделью для израильского государства: со времен Давида царь являлся первосвященником, как фараон – высшим жрецом. Однако вопреки египетской традиции израильский правитель не мог назначать и лишать полномочий других священников. Как и египетские жрецы, еврейские первосвященники должны были носить льняные одежды, символизировавшие их чистоту и подчеркивавшие торжественность церемоний.

В те времена Нубия – страна, расположенная к югу от Египта, – являлась тем же, что представляла собой во времена римлян и греков сказочная Индия – страна несметных сокровищ. Там египтяне выменивали золото, слоновую кость, драгоценные камни, благовония. Они также отправляли торговые корабли в африканские страны вдоль побережья Красного моря, такие как Сомали. Известно, что еще за тысячу лет до правления Соломона египетские моряки привозили драгоценные камни и экзотических животных с побережья таинственного Пунта (Индийского океана). К этим же странам были устремлены и мысли ханаанцев.

В собственной стране египтяне испытывали серьезный недостаток только в древесине, которую они импортировали из Ханаана. Лес им был нужен не только для строительства

и производства мебели, но также для изготовления оружия и боевых колесниц. Поэтому развился интенсивный обмен; пути шли по морю, между Египтом и финикийскими портами, и прежде всего через Библос, в который привозили из Ливана кедровое дерево. Понятно, что финикийцы стремились овладеть этими лесными территориями и соответствующими землями, через которые могли бы его доставлять.

Поскольку египтяне потеряли Ханаан во время правления династии Рамсеса, еще за столетия до Соломонова царствования, им приходилось покупать кедр в обмен на ценные товары. В этом случае драгоценные металлы с юга, египетская керамика и прекрасные одежды отправляли в Сирию и Палестину, где они были предметами торговли и образцами для местных мастеров вплоть до того времени, когда Соломон и Хирам из Тира сами стали посылать торговые суда в эти сказочно богатые земли.

Влияние египетской культуры было ничтожно малым по сравнению с развитием торговых связей. Сюжеты египетской мифологии, удивительные рассказы о смерти и возрождении Осириса, великолепной процессии в священной ладье, культ мертвых, вера в загробную жизнь – все это казалось слишком материальным для гораздо более абстрактного религиозного мышления евреев.

Даже тот, кто был поверхностно знаком с монотеистическими концепциями, оказывался не в состоянии принять Бога в образе ибиса, крокодила или сокола, ибо в эти конкретные образы просто не вмещалось представление о таинственном, грозном и всемогущем едином Боге.

Обычно признают, что история о золотом тельце связана с древним культом египетского бога Аписа. На самом деле поклонение быку не было рождено в Египте: у вавилонцев известен бог Мардук, в Сирии – бог грозы Хадад, у арамейцев в западном Иордане – бог урагана и дождя Рамман; все эти божества воплощались в образе священного быка.

Однако было бы слишком просто сводить к религиозным символам те изображения, которые мы встречаем в храме Соломона, и рассматривать изображения быка как отголосок ранних египетских концепций Бога. Не существует связей между мифологическим быком и самым примитивным монотеистическим Богом.

Даже тот факт, что бык и лев могут выступать в качестве тотемных образов в том или ином клане, вовсе не свидетельствует о том, что при любых обстоятельствах образы животных использовались для воплощения абстрактных или эстетических представлений, например могущества. Они прежде всего относятся к тотемным животным.

Венецианский лев определенно не говорит о том, что венецианцы поклонялись льву как местному божеству в некий более ранний период. Было бы неверно характеризовать поколения, которые создали законы Хаммурапи и гимн Эхнатону, как примитивные по своим религиозным воззрениям.

В их любопытных символах скорее можно увидеть очень сложную и даже неловкую попытку нащупать свой путь познания загадочного мира. Новизна в монотеистической системе как раз и заключалась в том, что Бог не выступал в каком-либо конкретном образе, изготовленном человеком из дерева или камня.

Поклонение божеству, воплощенному материально, означало вероотступничество. Именно этот грех совершил Иеровоам: он спасся бегством в Египет еще до воцарения Соломона просто для того, чтобы захватить трон после смерти последнего, а затем установил золотых тельцов в Дане и Вефиле, чтобы закрепить за собой царство, вернее, его часть – израильскую, и не допустить, чтобы подданные ходили на поклонение в Иерусалим. Этим он ввел в тяжкий грех и свой народ.

В Библии вероотступничество так и называется: «грех Иеровоама», или «путь Иеровоама».

Из сказанного следует, что в храме Иерусалима быкам никогда не поклонялись ни как символам Бога, ни как существам, наделенным магическими силами, более того, не существовало культа, аналогичного поклонению египетским богам, которое могло тайно существовать в народе. Напротив, во всем, что касалось религии, народ, «воспитанный» подлинным Богом, по отношению к Египту был настроен антагонистично. Как мы увидим позже, распространение египетского влияния на еврейский народ началось со времен Соломона.

В политеистическом северном Ханаане были совершенно иные условия. В течение столетий здесь велась более интенсивная торговля с Египтом, в храме Библоса хранился алавастр – сосудец для хранения ароматных составов, который правитель Египта отправил городскому богу. Можно также заметить отчетливое влияние египетской храмовой архитектуры, которое наряду с вавилонским и отчасти хеттским оказало опосредованное влияние на архитектуру храма Соломона.

Еще одним примером является вырубленный в скале «дом мертвого», расположенный в долине Кедрона напротив старого города Давида. По своему устройству, также испытывавшему египетское влияние, он представляет собой помещение, скорее всего предназначавшееся для саркофага. Над входом находились следы древнееврейской надписи, которые позже были уничтожены.

На основании этого факта К. Ватцингер датирует этот монолит не ранее VI века до Рождества Христова, в то время как Галлинг предполагает, что он может относиться к V или IV векам, полагая, что старые знаки могли использовать для надписей на святынях даже в то время, когда в ходу было арамейское письмо.

Сама гробница не может быть «моложе» саркофага, поскольку он больше не использовался. Население близлежащей деревни свидетельствовало, что гробница предназначалась для дочери фараона. В этом случае она похожа на ту, что находится в городе Газере, о которой мы скажем позже. Здесь сохранилось подлинное историческое свидетельство, хотя вызывают скептицизм распространенные эпитеты для гробниц, расположенных ниже по склону: «шляпа фараона» – для могилы Авессалома, «дом фараона» – для так называемой гробницы Якова, «гробница фараоновой жены» – для Захарии.

В течение многих столетий египетская наука считалась исключительно развитой. Однако более глубокое знакомство с ее достижениями не подтверждает этого. Возможно, основой для такого вывода стало незначительное влияние Египта на еврейскую культуру, в ней нет следов ни египетского календаря, ни астрономии, ни математики (чисел и системы мер). Египтяне не имели представления об историографии – они лишь вели погодные записи о победах своих правителей. Больше всего они преуспели в медицине, но из-за увлечения колдовством и заклинаниями, которые евреи считали «гадостью», все попытки обнаружить языческую основу иудаизма закончились неудачей. Подытоживая сказанное, заметим, что существенный вклад Египет внес только в концепцию политического и военного устройства.

Находившийся по другую сторону Вавилон оказал совсем иное влияние. И здесь снова судьба соединила два народа, но, даже если связь была гораздо более отдаленной и не так явно выраженной, вавилоняне оказывали более глубокое влияние, чем Египет. Можно в этой связи назвать Урарту – могущественное царство, существовавшее между 3900-м и 2600 годами до н. э., расположенное к югу от низовьев Евфрата, откуда в соответствии с общепринятым мнением происходит патриарх Авраам.

Полагают, что именно в этой части мира зародилось человечество, на это указывает и история о Великом потопе, когда спасся Ной и его семья. История образования наций связывалась в сознании еврейского народа со строительством Вавилонской башни. Названия рек Перат и Екель (Евфрат и Тигр), городов Ур и Харан были знакомы народу из историй, переданных предками, в то время как совсем недавняя история египетского периода была практически не знакома. Не сохранилось никаких упоминаний о топонимах, за исключением

Гохема, расположенного далеко от Синайского полуострова, а также городов Пифом и Раамсес, построенных во времена рабства.

Говоря о Реке, обычно имели в виду не Нил, величайшую реку, известную в античном мире, а Евфрат. Знали, что в Вавилоне жили близкие родственные люди, говорившие на похожем языке. Отправляющийся оттуда в Египет караван проходил через Палестину, и, следовательно, оказывался возможным контакт с вавилонскими купцами – известно, что вавилоняне были превосходными торговцами.

В то время когда израильтяне пришли в Ханаан (около 1250 года до Рождества Христова), Вавилон, потерпевший поражение от ассирийцев, возродился, но спустя недолгое время снова подчинился Ассирии, когда армия правителя Тиглатпаласара I (около 1100 года до н. э.), любителя природы и страстного охотника на львов, прошла через ливанские леса к Средиземноморью и возникло мощное царство между двумя реками, Евфратом и Тигром. Однако эпоха благоденствия промелькнула слишком быстро, упадок наступил при последующих монархах, и это произошло не ранее чем через три поколения после Соломона, когда разразился ассирийский «шторм», окончательно уничтоживший еврейскую империю.

Во времена Книги Судей и древних царств с той стороны не существовало угроз Палестине. Более того, великая Сирийская и Арабская пустыня лежала между ними. Готовая ворваться в Палестину, вавилонская армия вначале должна была ее преодолеть и столкнуться с другими небольшими государствами.

Хотя Египет и Палестину разделяла достаточно узкая полоска пустыни, да и путь туда был намного короче, влияние египетской культуры было минимальным из-за отношения к египтянам как к потенциальным захватчикам. Чем меньшей была политическая опасность, тем более открытыми оказывались люди для культурных влияний, шедших из Вавилона.

Почти все древние памятники Месопотамии плохо сохранились и явно недостаточно исследованы. Илистая почва и климат не обладали такой же способностью к консервации, как песок Верхнего Египта. Опустошающие последствия войны нанесли особенно большой вред стране.

Лучше всего сохранялись обожженные глиняные таблички и цилиндрические печати, на которых когда-то были выгравированы клинописные символы. Документы показывают, что в отличие от Египта Вавилония отличалась большей внутренней целостностью и открытостью в общении с соседними странами.

Развитие страны было связано с реками, без которых Вавилон превратился бы в пустыню. Жизнь людей зависела от уровня воды в реках. Как и египтяне, вавилоняне были вынуждены вследствие природных особенностей строить надежную систему орошения земель. С помощью специальных сооружений они научились поднимать уровень воды так, чтобы ее могли получать на возвышенных местах.

Сказанное относится прежде всего к гористой северной Ассирии, в то время как Вавилон, расположенный на юге, представлял собой район черноземья, где прекрасно росли финиковые пальмы. Вавилоняне научились сохранять финики и, кроме того, готовили из них знаменитый мед, именно его имели в виду, когда называли Палестину страной с «молочными реками и медовыми берегами».

Наличие на всей территории, расположенной между современной Арменией, Сирийской пустыней и Персидским заливом, двух таких же рек, как Нил, оказалось не даром Божьим, а сущим наказанием. На сравнительно небольшом участке плодородной земли, по площади практически равном Египту, втиснулось множество народностей, пришедших через две основные речные долины: амориты из восточной пустыни, хетты с северо-запада и эламиты с востока. Именно поэтому Вавилон и представлял традиционно место, где смешались расы и языки.

В таких условиях образование единого государства требовало сильной централизованной власти. После смерти правителя созданная им империя обычно распадалась, когда же она вновь возрождалась, ее границы никогда не совпадали с прежними. Именно в данном районе впервые появилось то, что позже называли «мировой империей».

Первым «мировым завоевателем» был Лугальзаггеси (после 3000 года до н. э.), первым завоевателем, захватившим его страну, стал Саргон I, который расширил границы державы и проник даже на Кипр. Позже, победив в многочисленных междоусобных войнах, правителем страны стал Хаммурапи, правивший более четырех десятилетий (до 2081 года до н. э.). Как упоминалось выше, именно тогда усилилось влияние на Палестину, и даже спустя 500 лет, когда Египет вновь доминировал в этом регионе, там по-прежнему распространялась вавилонская культура.

Вавилонских завоевателей сменили ассирийцы, которые, однако, добрались до Палестины спустя значительное время после смерти Соломона (Салманассар II и Тиглатпаласар IV). Когда власть ассирийцев закончилась, на короткое время вернулись вавилоняне (Навуходоносор), вытесненные персами (Киром). Выгодное положение и природные ресурсы привлекали завоевателей.

Междуречье – часть страны между протекавшими на небольшом расстоянии Евфратом и Тигром вплоть до впадения в Персидский залив – составляло основу территории Вавилона. Именно там сложилась высокоразвитая шумерская культура, в частности родилась клинопись. Северная часть была занята Аккадом. Столицей как южной, так и северной частей в течение длительного времени был «Ур Халдейский» – в Библии это место называется домом Авраама.

Затем просочившиеся с севера семитские племена захватили верхние земли, и столица была перенесена в Вавилон. За ними последовали другие: Вавилон был захвачен обладавшими сильной армией ассирийцами, которых привлекли хороший климат и высокая культура. С переменным успехом земля переходила из рук в руки. Однако за столетие до Соломона упоминаний о Вавилоне и Ассирии не сохранилось, возможно, потому, что обе страны к тому времени ослабли.

Но примерно тогда же произошло событие, повлиявшее на развитие этого района и Палестины. Арамейские племена, пришедшие через Аравийскую пустыню, основали на Вавилонской равнине Халдейскую империю, которая через несколько веков поглотила Ассирию.

В северной части евфратско-тигрского междуречья, в собственно Месопотамии, они основали государство Арам Нахараим. Самыми интересными его частями были Сова (Сува) – небольшое государство в Сирии, к северу от Палестины и Дамаска, – и Хамат, образовавшийся после свержения хеттского господства на берегах Оронта. Эти маленькие государства были настоящей головной болью для молодого Израильского государства.

Израильтяне всегда осознавали, что они сами являются одной из ветвей арамейцев. Сравним с упоминанием в Библии: «Отец мой был странствующий Арамеянин; и пошел в Египет и поселился там с немногими людьми, и произошел там от него народ великий, сильный и многочисленный» (Втор., 26: 5). Еврейский язык более близок арамейскому, чем финикийскому, не говоря о восточносемитских языках – вавилонском и ассирийском. В ранние времена, возможно, существовали еврейские племена, которые были полностью поглощены арамейцами, о которых говорится в Библии: «Тогда и Евреи, которые вчера и третьего дня были у Филистимлян и которые повсюду ходили с ними в стане, пристали к Израильтянам» (1 Цар., 14: 21).

Однако лингвистическое сходство никоим образом не повлияло на их политические интересы. Самуил находится в состоянии войны с арамейскими Зобахом: «И утвердил Саул свое царствование над Израилем, и воевал со всеми окрестными врагами своими, с Моавом

и с Аммонитянами, и с Едомом и с царями Собы и с Филистимлянами, и везде, против кого ни обращался, имел успех» (1 Цар., 14: 47).

Давиду, чья жена Мааха, мать Авессалома, была арамейской принцессой из сирийского дома царя Гессурского, пришлось вести длительную и требующую усилий войну, чтобы выгнать арамейских князей, которые были призваны моавитами. В этом случае народ Собы выступал против израильских оппонентов.

Во время вступления Соломона на трон арамейцы мечтали о мести, возникли новые проблемы, которые позже будут обсуждены более детально. Здесь же только заметим, что к тому времени Дамаск был потерян для арамейцев. Следовательно, когда говорят об «Араме», подразумевают Дамаск. Ослабление этого влияния на северной границе царства стало темным пятном в блестящей политике Соломона.

Арамейцы были весьма замечательным народом, равным им не было в истории. Они проявляли равнодушие к религиозным или политическим вопросам, к идеям культурного или политического единства. В то же время это были храбрые и целеустремленные солдаты. Поскольку они не оставили никаких памятников культуры, нам практически ничего не известно об их образе мыслей и о религии. Парадокс развития заключается в том, что и вавилоняне, и ассирийцы, и хетты – великие народы, чьими достижениями мы до сих пор восхищаемся, – были поглощены нацией, у которой не было собственной культуры.

Однако ассимиляции культур не происходило, они приняли язык и письменность арамейцев, которые стали таким же средством общения между народами, как латынь в Средние века.

Возможно, арамейцы были хорошими дипломатами и удачливыми купцами, искусными в общении и в письме, легко приспосабливающимися и скромными. Став нацией, они выполнили свою миссию. Когда в 700 году до н. э. на их территорию вторглись первые арабские племена, арамейцы двинулись в Сирию и Месопотамию, где уже говорили на их языке. И впоследствии, когда в ассирийско-вавилонских странах начали править персы, население сохранило арамейский, который уже распространился повсеместно и стал единым государственным и деловым языком своей державы.

Евреи сопротивлялись арамейскому влиянию дольше других народов. Когда в 701 году до н. э. ассирийский правитель Сеннахирим осадил Иерусалим, то отправил для переговоров с осажденными своего главного дипломата, владевшего многими языками. Представители царя Езекии отказались говорить с ним на еврейском, чтобы стоявшие на стенах крепости простые люди не могли следить за ходом переговоров. Ассириец с презрением настаивал: он будет говорить по-еврейски просто потому, что хочет, чтобы люди поняли его и отвернулись от правителя: «И сказал Елиаким, сын Хелкинии, и Севна и Иоах Рабсаку: говори рабам твоим по-арамейски, потому что понимаем мы, а не говори с нами по-иудейски вслух народа, который на стене. И сказал им Рабсак: разве *только* к господину твоему и к тебе послал меня господин мой сказать сии слова? Нет, также и к людям, которые сидят на стене, чтобы есть помет свой и пить мочу свою с вами. И встал Рабсак и возгласил громким голосом по-иудейски, и говорил, и сказал: слушайте слово царя великого, царя Ассирийского!» (4 Цар., 18: 26—27).

Очевидно, что и через сотню лет после смерти Соломона арамейский оставался международным дипломатическим языком, который также использовали высокопоставленные евреи, хотя простые люди понимали только свой.

Надпись на туннеле Силоа в Иерусалиме, датируемая временем правителя Езекии, написана древнееврейскими буквами. Во времена Соломона, когда в государствах Междуречья не было единой власти, даже высшие чиновники в Палестине не использовали арамейский. Данное обстоятельство также подчеркивает значение эпохи Соломона, когда появились условия для установления единства и цельности в еврейской религии и языке, а также

была заложена твердая основа, и, несмотря на внешние проблемы и внутренние конфликты, через несколько десятилетий появились оригинальные тексты, написанные на еврейском языке, – Книги Пророков. Не имея этой духовной силы, еврейский язык никогда не смог бы противостоять арамейскому, поглотившему языки более могущественных наций. Когда арамейцы обрушились на евреев, последние уже настолько окрепли, что смогли выдержать все испытания и не раствориться в культуре завоевателей.

Даже племя кутиев из Вавилона, территорию которых заселили ассирийцы после разорения еврейского государства около 700 года до н. э. (то есть примерно во время царствования Езекии), принявшие иудейскую религию, сохранилось, и их потомки живы сегодня, тогда как самаритяне, принявшие еврейскую культуру, но сохранившие арамейский язык, были поглощены евреями.

Ясно, что система письма, с помощью которой была переведена на их язык Тора, основывалась на древнееврейских знаках. С другой стороны, евреи смогли сохранить свой язык, хотя даже во время рассеяний и вавилонского изгнания арамейский стал доминировать в их повседневной жизни и даже использовался для написания религиозных и светских сочинений.

С 500 года до н. э. еврейская письменность перешла на арамейский, и даже после создания еврейского алфавита во II веке до н. э. вплоть до настоящего времени используются квадратные знаки. Таким образом, евреи, несмотря на использование арамейского в своей жизни, смогли во время изгнания претворить воспринятый ими арамейский в национальную еврейскую письменность и сохранить арамейский в живом бытовании на протяжении столетий. Но теперь, наконец, вернемся в Вавилон!

Лесные богатства северного Ханаана, так же привлекавшие Вавилон, как и Египет, доставлялись по Евфрату, не менее удобному пути, чем морской из Финикии в Египет. Торговые связи всегда оказывались дорогами, где осуществлялся интенсивный культурный обмен. Всматриваясь в глубь веков, мы видим, что, несмотря на различия между Палестиной, Вавилоном и Ассирией, образование могущественного Аккадского государства в северном Вавилоне после первой великой империи Саргона I было закономерным. Любопытно заметить, что аккадская культура способствовала распространению вавилонских достижений (календаря и законов) по всему Ближнему Востоку. Именно благодаря этим двум фундаментальным новшествам аккадская культура оказала столь существенное влияние на народы Ближнего Востока.

Не лишним будет также заметить, что политическая организация Аккада ни в чем не уступала египетской. Правитель тоже обладал неограниченной властью: устанавливал законы, возглавлял во время войны армию и был высшим судьей, к которому мог обратиться любой гражданин, даже минуя местные власти.

Как и в Египте, правитель возводился на трон посредством священного миропомазания, после которого один из верховных жрецов возлагал на его голову золотой венец. Точно так же огромное внимание уделялось великолепию парадных одежд и придворному церемониалу.

За системой сбора налогов, которая была даже более развитой, чем египетская, наблюдала комиссия, которую также возглавлял визирь. Сохранившиеся расписки показывают, что даже солдаты должны были платить налоги. Уже во времена Хаммурапи существовали официальные записи рождений, свадеб и смертей, так что можно было точно установить численность населения.

Здесь существовали четкие различия между социальными слоями: были священники, которые имели собственность, аристократы, владевшие плодородными землями, свободные арендаторы, земледельцы или ремесленники, считавшиеся наполовину свободными. Последнюю группу составляли рабы.

Количество рабов-мужчин было незначительным, они рассматривались как члены семьи, с ними обращались гуманно. Рабыни чаще всего становились наложницами хозяина и получали определенные права наряду с первой женой. Каждый гражданин был обязан нести военную службу и являться на общественные работы, в основном связанные с рытьем каналов и строительством дамб.

Обобщая сказанное, заметим, что система общественного устройства в Вавилоне очень напоминала египетскую. Но у Вавилона было определенное преимущество, связанное с его отдаленным положением. Однако он в продолжение десятилетий страдал от слабости политической власти, от разрушений и беспорядков, как национальных, так и династических. Именно это внутреннее сходство с Египтом помогает понять, почему со времен Соломона еврейское государство ориентировалось на египетское устройство общества.

Хотя Вавилон и не был моделью для государственного устройства еврейского государства, его влияние неоспоримо. Когда израильтяне пришли в Ханаан, там по-прежнему действовала вавилонская законодательная система, распространенная на всей территории вплоть до границ с Египтом. Тот факт, что заповеди Моисея соотносятся с законами Хаммурапи и даже принимают форму некоторых из них, просто доказывает высокий уровень законодательной системы Вавилона, которая, правда, никогда не поднялась до гуманизма библейских законов. В законах, отражающих политеистическое сознание, не могло быть представления о том, что человеческая жизнь священна и все люди равны перед единым Богом.

Вавилонский царь получал законы от высшего Бога и затем следил за тем, чтобы правитель точно следовал наставлениям. Закон рассматривался как проявление воли божества, которую нельзя изменить ни на йоту. В Египте правитель считался живым воплощением божества и был выше законов. Вот почему только в Вавилоне законодательство было отделено от культа. Законы были свободны от религиозных предписаний, и их могли без труда воспринять представители другой веры и приспособить к своим потребностям.

Особенность законодательной системы Вавилона заключалась в ее сплошной кодификации: ни один договор не считался действительным, если не был закреплен письменно и подтвержден соответствующими свидетельскими показаниями. Поэтому всеобщая грамотность и умение писать были совершенно необходимы. Дошедшие до нас дидактические материалы показывают, что чтение и письмо составляли основу обучения. Особенно широко распространилась грамотность после 1200 года до н. э., когда появилось буквенное письмо.

Впервые в истории человечества вавилоняне разработали простую и удобную систему измерения пространства и исчисления времени, принципы которой продолжают использоваться и поныне. В некоторых сферах они даже превзошли современное знание. Проявив поразительные способности к абстрактному мышлению, они не последовали столь очевидной десятичной системе, исходившей из подсчета на пальцах, выбрав в качестве базовой основы число 60, которое легко делилось на части. Основываясь на этом числе и наблюдениях за движением небесных светил, они разработали систему измерения времени. Они использовали видимые изменения луны, которые было гораздо легче фиксировать, чем движение солнца, лежавшее в основе египетского календаря.

Для засушливого Верхнего Египта был более удобен солнечный календарь с его большими циклами, тогда как в районах, где наблюдалось чередование четко различимых периодов года, был предпочтителен лунный календарь с его четким делением года на части, что было важно для земледельца. Именно поэтому лунный календарь распространился на всем Ближнем Востоке, где часы дня считались начиная с того времени, которое легче всего подавалось наблюдению, то есть начиная с рассвета. В еврейском календаре до сегодняшних дней сохранился тот же способ отсчета времени дня.

Там применялся и древний обычай деления ночи на три стражи (появление звезд – рассвет), необходимый при кочевой жизни и для того, чтобы можно было организовать и общественную. Так во время первой стражи, например, происходила служба в храме Соломона. Позже каждую строчку разделили пополам, таким образом вся ночь стала делиться на шесть частей. Наблюдая движение солнца с рассвета до заката, добавили еще шесть частей, так день и ночь стали состоять из двенадцати равных частей. Соответственно, год состоял из 360 суток, состоящих, соответственно, из 24 часов.

Но поскольку этот отрезок времени оказался слишком длинным для практических целей, каждый час, соответственно, стали делить на 60 минут, а минуту – на 60 секунд. Так как солнечные часы работали только в светлое время суток, в Вавилоне были построены первые песочные и водяные часы, работа которых не зависела от наличия солнца на небе и не требовала ежедневных астрономических наблюдений. Отметим, что подобная система отсчета времени была в древности принята во всем мире и дошла даже до Индии и Китая.

Все эти подсчеты связали с тайными астрологическими теориями. Сохранилась и старая вавилонская гектограмма, которая связывала каждый из семи дней недели с одной из семи планет. Но самым популярным в Вавилоне оказался цикл из пяти дней (их легко было подсчитать с помощью пальцев одной руки), повторяющийся 72 раза в году, что составляло 365 дней, грубо говоря, один астрономический год. Правда, мы не встречаем никаких упоминаний о завершающем год празднике.

Однако вавилоняне также отмечали семидневный ритм: каждый седьмой, четырнадцатый, двадцать первый и двадцать восьмой день месяца проходили под знаком враждебного бога подземного мира и считались неблагоприятными для любой работы. В эти дни правителю не разрешалось купаться, приносить жертвоприношения, пить вино и отправлять правосудие.

Семидневная израильская неделя с завершающим ее днем Шаббат – субботой, посвященным обязательной молитве и богу, – появилась в результате переосмысления древней традиции в соответствии с монотеистическими представлениями. Следовательно, вавилонский календарь был принят без всяких ограничений, семидневный цикл прекрасно дополнил деление на месяцы и годы. Все это было бы невозможно, если бы вавилонский календарь не состоял из похожей системы.

Вавилонское происхождение имеет и система мер веса и длины, использовавшаяся в Ханаане, также основанная на числе 60. Поскольку основным средством денежного оборота в Палестине было серебро, одно и то же слово означало «деньги» и «серебро». Единицей был серебряный шекель, его двадцатая часть (то есть три шестидесятых) – гера (упоминаемая в Иезекииле). Самой большой мерой объема во времена Соломона считался кор (примерно 60 галлонов), в который входило 720 лог, примерно равных одной пинте.

Подобные нововведения были известны по локтевой мере – базовой единице, использовавшейся в Библии для измерений в храме Соломона, поскольку летописец, когда несколько раз упоминает эти измерения, ссылается на «старый» локоть: «И вот основание, *положенное* Соломоном при строении дома Божия: длина *его* шестьдесят локтей, по прежней мере, а ширина двадцать локтей» (2 Пар., 3: 3). Он отождествляет ее с «царским (вавилонским) локтем», который он считает старинной и общепринятой мерой. Сохранившийся мерный камень на старой вавилонской статуе времени правителя Гудеа показывает, что этот «старый локоть» храма Соломона составлял 21 дюйм.

Когда эти законодательные кодексы, календарные и метрические системы начали входить в широкий обиход, вавилонско-ассирийское искусство оказало воздействие на Палестину не только косвенным образом, через Финикию, но и через влияние Египта. Да и вавилонские верования в идолов и демонов постоянно просачивались в страну, хотя и претерпевали изменения в ходе миграций.

Проведенные в Ханаане раскопки обнаруживают почти равное мощное влияние как Вавилона, так и Египта на храмовую архитектуру, но в литературных памятниках проявилось прежде всего явное преобладание вавилонской мифологии. Сказанное, может быть, объясняется тем фактом, что египетский пантеон богов неохотно усваивался обеими странами. Божества с головами животных практически не были известны за пределами Египта. Несмотря на пребывание в Египте многих поколений евреев, египетские боги практически не оказали влияния на религию. Даже для обозначения идола евреи употребляли слово «Энлиль» – название одного из четырех старейших вавилонских божеств – бога воздушной стихии. И это было в то время, когда четыре вавилонских божества позднего периода доминировали на Ближнем Востоке. Долгое время считалось, что им поклонялись израильтяне в домонотеистический период более чем за тысячу лет до правления Соломона. Бог луны Син, центром культа которого был Ур, дом Авраама, представленный в образе юноши, сидящего на крылатом звере, рассматривался как оригинальная разновидность израильского «бога-быка». Сыном Сина является бог солнца Шамаш, о котором говорится в мифе о Самсоне, хотя о солнце там нет никаких упоминаний.

Бог погоды Адад прямо отождествлялся с Синаи – богом грома и молнии, хотя простого совпадения функций явно недостаточно, чтобы доказать сходство между божествами, которое фактически не проявляется ни в единой особенности, ни в едином описании.

Самой трогательной фигурой из четырех божеств была богиня Иштар (Инана), на основе культа которой сложился подлинный «культ девственницы». Ей поклонялись как дочери лунного бога Сина, и как защитнице любви, и как покровительнице плодородия. Она оплакивает своего супруга Думузи, могущественного бога удачи, и следует за ним в преисподнюю. Очевидно, что в данном случае миф об умирающем боге, который опускается в подземное царство и снова воскресает, накладывается на египетский миф об Исиде и Осирисе. Конечно, не следует увлекаться и искать в старейшей израильской концепции бога какие-либо черты женского божества, распространенного во всем античном мире и явно являвшегося естественным выражением политеистического сознания, потребности людей в божественной поддержке.

И все же именно Иштар имела много тайных и явных поклонников среди евреев. Ее называли Астартой, Ашерой или, на финикийский лад, Ашторет, и именно ее культ официально разрешил Соломон: «И стал Соломон служить Астарте, божеству Сидонскому, и Милхому, мерзости Аммонитской» (3 Цар., 11: 5). В Книге пророка Иезекииля упоминается Фаммуза: «И привел меня ко входу во ворота дома Господня, которые к северу, и вот, там сидят женщины, плачущие по Фаммузе» (Иез., 8: 14).

Главная особенность политеизма заключалась в том, что к каждому богу обращались как к конкретной личности, имевшей легко представимый облик и наделявшейся различными качествами. Культ антропоморфного божества мог быть как местным, так и всеобщим. У него могло быть множество местных разновидностей. Когда появился бог Мардук – покровитель и правитель Вавилона, одновременно с возрождением города он вобрал веру в старого солнечного бога, отца вышеупомянутого Сина – Энлиля, и слово «господь» (Бел) он приписал себе. В таком качестве он «перекочевал» на запад, где получил имя Ваал. Еще позже он был известен как Ад он (Адонис), то есть господь, или как Мелех (в Септуагинте – Молох), то есть царь, но все эти наименования обозначали одно и то же божество, принимавшее разные облики. Даже его функция высшего божества несопоставима с самыми примитивными концепциями монотеизма, которые считают каждое телесное существо созданием бога.

Наряду с вавилонскими богами на Ближнем Востоке распространилась вера в демонов, этих вездесущих духов зла и разрушения. Жизнь большей части людей сопровождалась

опасностями, болезнями – напастями, виновниками которых могли быть демоны, вселяющиеся в человека и обретающие в нем убежище.

Объединившиеся демоны образовывали свое государство. Самыми известными считались духи Утук, до настоящего времени известные как «проклятая семерка». Они могли поразить даже богов и преследовали лунную богиню, пока ее не освобождало солнце. Борьбой с демонами занимались особые жрецы.

С другой стороны, древние маги старались найти способ управления потусторонним миром. Предсказатели, воскрешающие мертвых и толкователи снов чувствовали себя в этой стране как дома. Несмотря на тщательно проработанную систему законов, за религиозным экстазом скрывалось богохульство, возможно, большее, чем где-либо. Несмотря на все строгие предписания, вера в сверхъестественное мешала укреплению монотеизма.

Финикия оказалась той страной, где интересы Египта и Вавилона сходились и через которую постоянное влияние этих стран распространилось на весь Ханаан. Финикийцы, расселившиеся по северным прибрежным районам, были потомками древнего ханаанского населения. Израильяне называли их кенитами. С точки зрения евреев, ханаанцы, большинство из которых занимались торговлей, были носителями иной материальной культуры, отчего название их народности употреблялось и как синоним слова «торговец». До настоящего времени не появилось удовлетворительного объяснения их греческого названия – финикийцы.

После эмиграции вместе с другими семитскими племенами из Аравии, своей прародины, о чем мы знаем из Геродота, они на протяжении тысячелетий жили на узкой, шириной не более 40 миль, полосе, протянувшейся вдоль моря на 125 миль, занимаясь рыболовством, а также торговлей благодаря многочисленным прекрасно оборудованным портам. Один из них, Тир (Зор), «город на скале», считался самым значительным и одновременно самым молодым.

Сидон, «город рыбаков», как и Губла (названный греками Библос), расположенный к северу от Бейрута, был известен своим искусством еще до того, как израильяне пришли в Ханаан. Большая часть сообщений, отправленных фараону в Тель-эль-Амарну примерно в 1360 году до н. э., которые упоминались выше, позволяющих заглянуть внутрь восточного мира того времени, приходили из Финикии.

Фараоны добивались благосклонности этой маленькой страны, особенно после того, как египетское влияние начало ослабевать. В дошедшем до нас описании, составленном примерно за 150 лет до царствования Соломона, рассказывается, как египетский чиновник Венам он приезжает в Тир, чтобы купить кедровую древесину и затем переправить ее правителю Библоса Закарбаалу. По дороге его ограбили, отобрали деньги. Финикийский правитель высокомерно отказался предоставить фараону срубленные ливанские деревья в кредит. В конце концов он уступил и разрешил вывести семь кедров, но разрешил отправить остальное, только когда за них было уплачено.

Подобные отношения между правителями существовали на всей территории вплоть до Евфрата, похоже, ни один из них не пользовался особым доверием финикийцев, слывших либеральными торговцами. Они строили самые большие и лучшие корабли того времени, устроили поселения и колонии на Кипре, Сардинии, в Африке и даже в Испании. Одно из них, Карфаген, основанный в 814—813 годах до н. э., стало таким сильным, что смогло подчинить себе обширную территорию.

Здесь, равно как и на Сардинии, они построили горнодобывающие заводы, продукцию которых перевозили по морю на специальных кораблях. Финикия находилась на пересечении всех торговых путей Ближнего Востока, так что ее жители могли пользоваться всем, что произвели и создали другие народы. Не так-то легко определить, были финикийцы простыми посредниками или производителями, создававшими новые ценности. В любом слу-

чае эта небольшая народность, занимавшая территорию между Иорданией и Средиземным морем, как и израильтяне, ее ближайшие родственники, стоит у истоков Древнего мира.

Созданный на палестинской земле алфавит распространился на запад и на восток финикийцами. Библос оказался мировым рынком для бумаги и письменных принадлежностей, именно от названия этого города возникло греческое «книга». В Библосе находится саркофаг царя Ахирама – самый древний письменный памятник с финикийским алфавитом, составленным до 1000 года до н. э. Надпись на нем, в которой говорится, что боги накажут всякого, кто откроет крышку, указывает на повсеместное распространение письменности.

Египетские иероглифы не были приспособлены к написанию текстов на восточносемитском языке. Но как отмечает исследователь Ауэрбах, ссылаясь на маргиналии в письмах из Тель-эль-Амарны, даже восточносемитская клинопись не вполне подходила для фиксации тех десяти заповедей, что приписывают Моисею.

Сегодня самыми древними документами, написанными на еврейском, считаются рецепты вина и описание составляющих масла на черепках из Самарии (в центральной части Палестины). Они датируются примерно 870 годом до н. э., то есть всего за сто лет до правления Соломона. Знаки во многом напоминают буквы на саркофаге Ахирама и являются упрощенной формой иероглифических символов. Следовательно, создателями алфавитного письма являются и финикийцы и израильтяне, поддерживавшие прямые контакты с Египтом.

Теория еврейского происхождения алфавита основывается на огромной правоведческой и исторической литературе, которая появилась во времена Моисея, в то время как от финикийцев не сохранилось никаких литературных памятников, за исключением небольших коротких надписей.

Следует также иметь в виду, что только в Израиле обнаруживаются стихи, каждая строчка которых начинается с букв, расположенных в алфавитном порядке, – это некоторые псалмы, последние притчи Соломона, плач Иеремии.

Неизвестно, на каком принципе основывался порядок следования букв в алфавите. Но такие стихи составлялись не только ради того, чтобы поупражняться в запоминании алфавита, но и для большей выразительности текста. Приведем в качестве примера псалом 119 («Песнь восхождения»):

Ко Господу воззвал я в скорби моей, и Он услышал меня.
Господи! избавь душу мою от уст лживых, от языка
лукавого.
Что даст тебе и что прибавит тебе язык лукавый?
Изошренные стрелы сильного, с горящими углями
дроковыми.
Горе мне, что я пребываю у Мосоха, живу у шатров
Кидарских.
Долго жила душа моя с ненавидящими мир.
Я мирен: но только заговорю, они – к войне.

В оригинале каждая из восьми строк начинается с одной и той же буквы. Однако датировка текста показывает, что алфавит ощущали как древнее национальное достояние, унаследованное от предков наравне с религией. Более вероятно, что заселившие страну хананеи, когда вошли израильтяне, восприняли от них новое искусство, приспособив его к восточносемитскому языку. Сами же израильтяне (и это единственно возможное объяснение) восприняли его до своей эмиграции от финикийцев, с которыми они почти не контактировали.

Развитие ремесел, и особенно искусство обработки дерева (из Ливана и Анти-Ливана), металлов (оттуда же), стекла (из белых песков реки Белус близ Акко), изготовление пурпурной краски и папируса, велось не только ради коммерческих целей, но также преследовало и эстетические задачи и основывалось на воображении, восхищении увиденным и тяге к знаниям.

Очевидно, что последнее качество и заставило финикийцев совершать рискованные путешествия по морям, принешие им уважение многих народов. О подобном отношении свидетельствуют ценные подарки, которые фараоны отправляли правителям городов Финикии, а также принятие в Египте культа Баалат-Гебал (богини Библоса). Ей поклонялся фараон, для нее отбирали специальных девушек для храмовых оргий.

Финикийцы оказались отважными колонистами, но они не были ни воинами, ни завоевателями. Однако когда на них нападали, они выказывали себя образцом мужества и выдерживали длительные осады. Похоже, им удалось очистить Западное Средиземноморье от пиратов, чего не удалось сделать египтянам.

Только после тринадцатилетней осады Навуходоносор смог захватить Тир, который был построен на скалистом острове. Что же касается Александра Великого, то ему удалось захватить этот город благодаря предательству. Известна вошедшая в поговорку стойкость карфагенян. Именно при Цезаре и Августе Карфаген снова возродился и превратился в процветающий город.

Характерно, что финикийцы, с их открытостью и тягой к знаниям, не проявили интереса к простому и «практичному» еврейскому монотеизму. Именно сохранение этих духовных ценностей, отделившее израильтян от других древних народов, помогло им выжить в период рассеяния.

Начиная со времени Судей отношения между финикийцами и Израилем оставались дружественными. Иудейские племена асир и завулом, обитавшие в центральной части, первыми отправились с финикийцами за море (Суд., 1: 1). Услышав о великолепии великого храма Мелькарта в Тире, который финикийцы называли центром земли, Давид и Соломон привлекали финикийцев в качестве архитекторов израильских храмов, дворцов и крепостей.

После разделения царства оба народа продолжали сохранять дружественные отношения: Иезавель, дочь царя Тира, стала женой царя Ахава из Израиля, оказав особое влияние на политику страны. В то время ассирийцы устремились на восток, и осознание общей опасности укрепило связи между финикийцами и израильтянами. Но еще за столетие до этого им пришлось противостоять очень опасному общему врагу.

Примерно ко времени Исхода из Египта, произошедшего незадолго до 1200 года до Рождества Христова, орды из Южной Европы начали перемещаться, подталкивая перед собой попадающиеся на пути разные племена. Опустошая все на своем пути, они продвинулись вдоль островов и дошли до африканского и азиатского континентов. Нанесенный ими ущерб отразился даже на египетской империи. Одни народы, например ливийцы, с помощью новых иммигрантов надеялись удовлетворить свои завоевательные амбиции, другие, как палестинцы, надеялись сбросить иго египтян.

Фараон Мернептах III, который правил во время Великого Исхода, должен был сражаться на два фронта – на западе и на востоке. Когда ему наконец удалось достичь непрочного мира, он повелел высечь на камне гимн победы. В 1896 году Ф. Петри обнаружил его около Фив, а сегодня он находится в Каирском национальном музее.

После перечисления завоеванных им ханаанских городов читаем: «Израиль – его население немногочисленно, и его семя больше не распространится». Это древнейший текст, в котором упоминается Израиль. Видно, что надпись относится не к стране, а к народу. Она не содержит никаких географических подробностей, отражая лишь торжество победителя, который наконец-то добился своего.

Вместе с тем надпись подтверждает, что израильтяне уже представляли собой внушительную силу, память о победе над которой фараон считает нужным сохранить. Кроме того, в другом описании не говорится о великом успехе фараона. Его второму преемнику, Рамсесу III, пришлось пройти через Палестину вплоть до Сирии, чтобы остановить одну из «морских наций», которая захватила Финикию и угрожала опустошить Ханаан, а затем вторгнуться в Египет. Этой нацией были филистимляне, давно населявшие данный район выходцы с Крита.

Отброшенные назад, они заняли плодородную долину Шефелу между Яффой и Газой. Вот почему греки называли не только эту полоску земли, расположенную поблизости от них, но и всю территорию, лежащую за ней, страной Пелиштим (Палестиной). Когда филистимляне продвинулись вперед в горы, они столкнулись с израильтянами. Именно в ходе этой войны, которая продолжалась большую часть времени Судей и ранних правителей, израильские племена и были вынуждены объединиться в нацию.

Произошло это потому, что филистимляне оказались воинственным народом. На греческих судах, изображения которых можно увидеть на триумфальных памятниках Рамсеса III, они переплыли море, затем прошли через Малую Азию и двинулись вдоль побережья к югу. Об этом пишут пророки Амос: «Не я ли (Бог) вывел Израиля из земли Египетской и Филистимлян из Кафтора и Арамлян – из Кира» (Ам., 9: 7) – и Иеремия. Имеются и косвенные подтверждения в виде керамики, найденной в Беэр-Шебе и Аскалоне. Филистимлянская керамика отличалась более изысканным узором, чем старая ханаанская.

Своими обитыми железом повозками и на запряженных волами колесницах они прокладывали дорогу во всех направлениях. В раннем железном веке они были превосходными кузнецами. Многие считают, что именно от филистимлян израильтяне переняли искусствоковки железа, скорее всего заплатив высокую цену за этот секрет, одинаково важный и для земледельцев, и для воинов. В Книге Царств говорится, что израильтяне получили оружие и сельскохозяйственные инструменты от филистимлян, поскольку «кузнецов не было во всей земле Израильской, ибо Филистимляне опасались, чтобы Евреи не сделали меча или копья» (1 Цар., 13: 19).

Окованные металлом колесницы и железное оружие позволили филистимлянам разбить армии всех народов Ближнего Востока. Только египтяне, с их более быстрыми лошадьми, легкими, более мобильными колесницами и огромным по численности войском, смогли устоять против них. В ранних библейских описаниях битв с филистимлянами сообщается о том ужасе, который они внушали своим совершенным оружием. Рассказы об их героических поступках с использованием испытанных методов ведения войн представляют собой не столько развернутую метафору, традиционную для эпоса, сколько попытку «сохранить лицо»: Самегар поверг в бегство 600 филистимлян одной лишь палкой для понукания волов: «Самегар, сын Анафов, который шестьсот человек Филистимлян побил воловьим рожном; и он также спас Израиля» (Суд., 3: 31). Самсон также сразил 1000 человек ослиной ногой.

На самом деле вся история Самсона представляет собой победу точно рассчитанной физической силы над самонадеянным безрассудством. Даже ослепленный, он унес с собой больше врагов во время своей добровольной смерти, чем убил за всю свою жизнь.

Выступивший против гиганта Голиафа Давид со своей пастушьей пращой стал символом торжества духа над грубой силой. Описание вооружения филистимлян с их кольчугами, доспехами, поножами, щитами и копьями настолько ярко, что мы видим перед собой одного из героев Гомера. Но в Библии прежде всего подчеркивается использование железа.

Противостояние продолжалось на протяжении жизни двух поколений. На юге филистимляне проникли глубоко в горы, на севере, вероятно не встретив никакого сопротивления, – в долины Израиля. Окруженные израильтяне находились на грани разгрома. Тогда в

лагерь принесли ковчег Завета со скрижалями, чтобы самые главные национальные святыни вдохновляли солдат на отчаянное сопротивление.

Но израильская армия потерпела поражение, ковчег был захвачен, на население наложili контрибуции. Похоже, что некоторые еврейские круги приготовились покориться филистимлянам, – об этом говорит описание возвращения израильтян и их обращения к народу (1 Цар., 14: 21).

Однако в минуту опасности народ поднялся как один, и все переменялось. Действительно, всему Израилю угрожала физическая смерть или рабство. И все же пророк Иоиль говорит о том, что «и сынов Иуды и сынов Иерусалима продавали сынам Еллинов, чтобы удалить их от пределов их» (Иоил., 3: 6), отмечая существование работорговли между филистимлянами и греками.

Самой запоминающейся личностью из всех духовных вождей, призывавших к объединению, стал пророк Самуил. Но только воинственному Саулу благодаря своей победе при Михмассе (находившемся в шести милях к северу от Иерусалима) удалось отвести непосредственную угрозу и заставить филистимлян вернуться в долину.

Примерно через десять лет им удалось снова собрать армию, на этот раз они продвинулись на север, на равнину. Саул был разбит, трое из его сыновей взяты в плен, а сам он покончил с собой. Филистимляне повесили тело первого правителя израильтян на стенах Беф-Сана, на полпути между полем битвы, находившемся в горах Библа, и рекой Иордан. Оружие Саула было выставлено в храме Астарты как подношение богине за помощь.

Но и без Саула филистимляне продолжали бояться, поэтому все попытки объединения были задушены на корню. Давиду пришлось бежать до этих событий вместе с группой своих сподвижников и вернуться, чтобы стать вассалом филистимлян. Возможно, он предпринял все от него зависящее, чтобы достичь взаимопонимания с противником и таким образом сохранить государство. Но большинство филистимлян продолжали не доверять Давиду (1 Цар., 29: 4-11).

Поражение Саула при Библе и смерть Ионафана, который знал о его планах, заставили Давида трезво посмотреть на ситуацию. Разумно используя свои силы, он сначала обеспечил безопасность на юге и на востоке у Иордана, добившись, что филистимляне не осмелились напасть на него. Только после того, как в Хевроне его избрали главным вождем, он осмелился нанести решающий удар. Давид захватил крепость Иерусалим, которая считалась неприступной и все же оставалась в руках первых поселенцев, и там ждал до тех пор, пока филистимляне, намеревавшиеся опередить его, не приблизились к городу. Именно на равнине Рефаим, находившейся между Иерусалимом и дорогой, ведущей в Вифлеем, филистимляне были окончательно разгромлены.

Один за другим их города пали и начали платить дань Израилю. Прекрасно зная их храбрость, военное мастерство и надежность, Давид набирал свою личную охрану, возможно, именно из них – об этом свидетельствует упоминание о хелефеях и фелефеях, под которыми легко узнать критян и филистимлян.

Правда, название «хелефеи» может обозначать не только жителей самого Крита, но и выходцев оттуда, живших в районе Газы, о которых упоминается в табличках из Рас-Шамры. Ко времени власти Соломона филистимляне уже перестали представлять влиятельную силу. Еще раз они упоминаются в одной из глав Книги пророка Захарии (Зах., 9: 6), который пишет о борьбе против Ассирии. Затем они полностью исчезают с исторического горизонта.

Однако в интересующее нас время они продолжали населять прибрежную полосу, препятствуя выходу Израиля к морю, важному для его экономики. Только Соломон понял, как извлечь выгоду из сложившейся ситуации.

От этого воинственного народа не сохранилось никаких литературных памятников. Похоже, что они заимствовали свою религию от семитских племен, которых покорили пер-

выми, а их главного бога Дагона можно отождествить с тем, что появился тысячу годами ранее в Месопотамии. Самыми известными богами считались Баал-Зевув из Экрона (библейский Екрон), также семитское название которого соотносится с селением Зевув, расположенным неподалеку от Экрона (так говорится в письмах из Тель-эль-Амарны). Как и родственные им греки, они организовали пять городов-государств, которые образовали союз, управлявшийся единым царем.

Во времена Соломона еще были живы свидетели длительного противостояния между филистимлянами и Израилем, начиная с поражения при Библе. Существовали даже такие, как священник Авиафар, который был свидетелем того черного дня, когда ковчег Завета вместе со скрижалями был захвачен филистимлянами. Из всех соседей Израиля филистимляне были самыми искусными в военном деле и в свое время самыми опасными. В то же время им было суждено погибнуть первыми, как будто они уже выполнили свою историческую миссию и с помощью своих вылазок объединили Израиль, дав свои имена земле, которая стала священной для большей части человечества.

Пока «люди моря» постепенно занимали весь Ближний Восток, а великие империи Египта и Ассирии были поглощены своими собственными проблемами, южнее и западнее Палестины возникли маленькие царства, которые в течение длительного времени после Соломонова правления осложняли жизнь еврейскому государству, опережавшему их по развитости.

В то время когда израильтяне по-прежнему находились в странствиях, относительно близкое племя идумеян уже создало хорошо организованное государство (перечень царей в Библии – Быт., 36: 31). Вначале израильтяне избегали столкновений с воинственными жителями племени идумеян и просто прошли через их территорию (Числ., 20: 14—21).

Но когда со временем израильтяне стали расширять границы своей земли, они были вынуждены вступить в конфликт с идумеянами. Поскольку они были отрезаны от Средиземного, им пришлось искать выход к Красному морю. Но с южной стороны Мертвого моря находился низкий участок, простиравшийся вниз до Красного моря, и вся территория справа и слева от него до Аравийской пустыни принадлежала идумеянам. И к западу, вплоть до Синая – земли, которая была полна воспоминаний, священных для Израиля, – находился еще один меньший по размеру участок, также принадлежавший идумеянам.

На западе он доходил вплоть до Аравийской пустыни. С этой стороны располагалось множество плодородных долин с красноземной почвой, пригодной не только для сельского хозяйства, но и богатой лесами, населенными разной живностью. Как известно, Исав, предок израильтян, был страстным охотником.

Израильтяне называли эту горную страну, отделявшую их от Аравийской пустыни, Сеир. По легенде, на самой высокой ее части, горе Ор, умер брат Моисея Аарон. Мусульмане называли эту гору Джебель-Гарун – гора Аарона; название сохранилось до наших дней.

Вскоре идумеяне превратились в торговую нацию, поскольку караванные дороги, по которым перевозили специи, бальзам и, прежде всего, ладан из Аравии в Малую Азию, шли через всю их страну. Вступив в контакт с филистимлянами и финикийцами, они начали совместную торговлю рабами (Ам., 1: 6, 9, 11). Они также сохраняли контроль над Эламской низменностью, по которой шли пути к Красному морю, где израильтяне построили порт Ецион-Гавер. Известны дворцы в Босре, Петре (которую многие отождествляют с библейской Сел ой); даже в руинах, относящихся к римским временам, они воспринимаются как одно из величайших чудес ближневосточной цивилизации. Пророк Авдий задолго до Соломона пишет о несметных сокровищах, хранившихся в Едоме.

И от идумеян до нас не дошло никаких литературных памятников, хотя очевидно, что они существовали. Сохранившиеся ассирийские надписи свидетельствуют, что идумеяне верили в бога Коса. Местным князьям давали специальный титул *aluphim*.

Рассказы о мудрости идумеян передавали из поколения в поколения (Иер., 49: 7; Авд., 1: 8). Находившийся на границе с идумеянами Уц упоминается как дом Иова, мудрые друзья, которые навещали его, Елифас Феманитянин и Софар Наамитянин, скорее всего, идумеяне, судя по названиям этих мест. В апокалиптической Книге пророка Варуха (Вар., 3: 22) упоминается Феман в Едоме как место, где можно было познать мудрость, а также мудрый язычник Валаам (Числ., 22: 5), вероятно тоже идумеянского происхождения, даже если его отца Веора можно соотнести с Веором, чей сын Бела был правителем Едома (Быт., 36: 32).

В еврейских источниках постоянно превозносится мудрость идумеян, что может свидетельствовать об их отвращении к таким качествам, как жестокость и предательство. И сегодня, как в доисторические времена, по-прежнему упоминают черты личности, которые в старину приписывались основателям идумеян и израильтян, Исаву и Иакову. В истории о царе Сауле упоминается о идумеянском жителе Дойке, «начальнике пастухов Сауловых» (1 Цар., 21:7).

Давиду пришлось в течение некоторого времени жить в святилище, которое тогда находилось в Номве. Как раз в то время, когда Давид отдыхал здесь после своего бегства от Саула, он тайно получил от священника Ахимелеха меч Голиафа и немного священного хлеба, поскольку у него не было никакой еды для путешествия.

Доик потом донес Саулу, чем усилил подозрения царя, что Давид хочет занять его место. Узнав о случившемся в Номве, осудил священника и других служителей. Поскольку никто не хотел «поднять рук своих на убийство священников Господних», царь велел Дойку умертвить служителей. «И пошел Доик Идумеянин, и напал на священников, и умертвил в тот день восемьдесят пять мужей, носивших льняной ефод»¹ (1 Цар., 22: 17—18). Спаслись только Авиафару, сыну Ахимелеха. Он убежал к Давиду и позже стал верховным жрецом, и даже во времена молодости Соломона оставался одной из влиятельных фигур при дворе.

Разбив войска филистимлян и народов, живших к востоку от Иордана, Давид отправил Иоава или, как утверждается в Паралипоменоне, его брата Авессу, сына Саруи (1 Пар., 18: 12), против идумеян, которые явно пытались прорваться на север, пока Давид был занят укреплением границ своих владений.

В безводной Соляной долине, к северу от их собственной территории, идумеяне были разбиты. Затем армия Давида двинулась дальше и, возможно, заняла всю территорию вплоть до Красного моря. Случившееся привело к новой стычке с идумеянами, тогда многие израильтяне были взяты в плен или погибли и не были погребены, что означало бесчестие.

Через некоторое время Иоав похоронил мертвых и, напав на идумеян, устроил кровавое побоище. После этого они не осмелились снова выступать в течение всего правления Давида и Иоава. Но среди тех, кто убежал в Египет, оказался юный принц Адад, доставивший много хлопот Соломону.

Независимость идумеяне обрели только спустя сотню лет после смерти Соломона (при Иораме), однако ненадолго, потому что стали добычей для ассирийцев. Но они никогда не оставляли попыток продвинуться на север и после разрушения первого Храма поселились на юге Иудеи, вокруг Хеврона, где и стали известны как идумеяне. Они враждебно относились к евреям, вернувшимся из изгнания, но, после того как их покорили маккавеи, приняли иудаизм — религию евреев.

Их необузданный и в то же время героический нрав снова дал о себе знать при Ироде. Поскольку они оставались и религиозными, и территориальными противниками евреев, став символом зла, само название Едом в течение длительного времени отождествлялось с домом

¹ Ефод — ритуальная одежда священника.

Цезаря. Это беглое замечание о послесоломоновых временах только усиливает общее впечатление о нравах едомитов (идумеян).

На территории, расположенной к западу от Иордана, соседствующей с Едомом на севере, и на той территории, через которую доводилось проходить израильтянам, когда они стремились пересечь Иордан, основал свое государство другой родственный им народ — моавитяне.

О трудности и конфликтах, которые сопровождали этот переход, поэтически рассказано в истории о Валаке и Валааме (Числ., 22—23). Еще более реалистически, хотя не совсем отчетливо в Книге Судей описано, как власть моавитян распространялась на запад, в то время как там уже расселились израильтяне. Судья Аод убил Еглона, царя моавитского, тучного человека, обоюдоострым мечом, что помогло освободить свой народ, по крайней мере тех, кто жил к западу от Иордана (Суд., 3: 12—30).

Но к востоку от Иордана продолжались тяжелые сражения между израильскими племенами, проживавшими там, и моавитянами. В войне за независимость народов Галилеи судья Иеффай разбил аммонитян в глубине их территории около Ароера (Ароира) на реке Арнон (Суд., 11: 26, 33), хотя не совсем ясно, на чьей стороне тогда сражались моавитяне.

Еще до правления Саула с ними снова началась война (1 Цар., 14: 47), и только Давид (1 Цар., 8: 2) заставил их вернуться к природной границе Арнона и платить дань Израилю.

Моав представлял собой плодородное плато, южная часть которого идеально подходила для пастбищ. Крутые скалы спускаются прямо к Мертвому морю, и некоторые из высоких гор стали драгоценными воспоминаниями для еврейского народа и сохранились в легендах. Из Иерусалима невооруженным глазом можно увидеть гору Нево с вершиной Фасги (Втор., 34: 1), где Господь показал Моисею «всю землю Галаад до самого Дана» и другие земли, в которые ему уже не суждено было попасть. Именно «в земле Моавитской, по слову Господню» и умер Моисей (Втор., 34: 1,5).

Во времена, предшествовавшие царствованию Давида, территория, простиравшаяся на север далеко за Арнон, вплоть до богатых зерновых полей аммонитян, использовалась для снабжения Востока во времена засухи. Именно здесь развивается действие Книги Руфь: из-за «засухи на земле» Елимелех отправился из Вифлеема в Моав, где его сын женился на моавитских женщинах, одной из которых и оказалась Руфь.

После смерти Елимелеха и его сыновей Руфь вернулась со своей свекровью в ее страну и позже вышла замуж за землевладельца Вооза. У них родился сын Овид, его сыном был Иессей, отец царя Давида. Так кровь моавитян влилась в кровь завоевателя Моава.

На черной базальтовой скале, раскопанной в 1868 году в Дивоне, есть имя Хамоса, главного бога моавитян, этот важнейший моавитский город упоминается в Числах (Числ., 21: 30). Камень представляет собой монумент, установленный в честь победы правителя Месы (4 Цар., 3: 4), о чем сообщается в Книге Царств, и упоминание относится ко времени, наступившему после смерти Ахава (853 год до н. э.).

Моав снова восстал против евреев, и, после того как царь принес в жертву божеству своего старшего сына, евреи потерпели поражение. В надписи Меса хвастается тем, что принес в жертву богине Иштар 7000 еврейских мужчин и женщин из Нево.

Надпись сделана на древнееврейском, который, возможно, стал известен моавитянам, когда они входили в состав израильского государства при Давиде и Соломоне. Перед нами единственное сохранившееся свидетельство существования моавитского языка, родственного еврейскому. Спустя сотни лет после правления Соломона ужасный обычай человеческих жертвоприношений снова возобновился, что и было зафиксировано на памятнике. В то же время непосредственно язык и сама надпись свидетельствуют о необычайно высоком уровне культуры.

А текст надписи, разделенный на слова, свидетельствует о высоком уровне развития языка.

Похоже, что то же было характерно и для аммонитян – нации, которая граничила с моавитянами на севере. Они замыкали своеобразное «кольцо народов», которые располагались вокруг израильской территории с востока.

В Библии имеется рассказ о Моаве и Аммоне, сыновьях Лота, которые родились от кровосмесительной связи с дочерьми после спасения из обреченного города Содомы (сюжет о Содоме и Гоморре). История отражает не только отношения между людьми, но и частично взаимоотношения, характерные для Израиля.

Это первые упоминания об моавитянах как нации – сообщение о вышеупомянутом правителе Еглоне, под чьим началом они сражались против Израиля. Правда, перед нами, скорее всего, позднее упоминание; основанием служит тот факт, что именно через северную территорию моавитян, которая соседствует с аммонитянами, израильтяне шли в страну, расположенную к западу от Иордана. Скорее всего, аммонитяне поселились там почти одновременно с израильтянами. Это доказывает и тот факт, что племена Рувима, Гада и Манассии, населявшие пограничные районы, смешались с аммонитянами, поскольку не сохранилось упоминания о каких-либо политических границах между ними и израильтянами.

Если бы аммонитяне установили собственное государство раньше, то сохранились бы упоминания о пограничных стычках с израильтянами или о разделении территорий. Все это отчетливо видно в истории судьи Иеффая – единственного, кто решал племенные споры на своей собственной территории к востоку от Иордана.

Значит, события, описанные в Книге Судей, относятся к моавитянам, которые, как мы убедились, оказались более сильными и с которыми Иеффаю приходилось считаться, а не к аммонитянам, которые во времена Давида и Соломона оказались определенно слабее, чем моавитяне, и были оттеснены обратно к Арнону. Одно ясно: испытывавшие сильное давление израильтяне из Галилеи (что означало не только город, носивший то же название, но всю израильскую территорию, расположенную к востоку от Иордана) снова призвали Иеффая, изгнанного из-за необузданного и воинственного нрава в лесистые горы. Израильтяне потребовали, чтобы он доблестно защищал их как от аммонитян, так и от моавитян. Город виноторговцев Авель, откуда он изгнал их, «поразил поражением» (Суд., 11: 33), все еще существовал в 200 году до Рождества Христова неподалеку от столицы Равва в верховьях реки Иавок.

После этой победы восточноиорданские племена, вероятно, прожили в относительном мире в течение нескольких сотен лет. Но когда далеко на западе, на Ханаанском побережье, филистимляне успешно выступили против Израиля, правитель Наас Аммонитянин решил, что настал благоприятный момент, чтобы вторгнуться на прилегающую к его землям израильскую территорию.

В Библии говорится, что он осадил Иавис Галаадский и согласился прекратить военные действия, если все мужчины выколут себе правый глаз, что обесчестит весь народ Израиля (1 Цар., 11). Народ Галаада призвал на помощь Саула. Услышав об этом, он разрубил пару волов на части и разослал кровоточащие куски всем племенам израильским. Его послы объявили, что если кто-то откажется от сражения за своих братьев, то с его скотом поступят подобным образом.

Вскоре собралась огромная армия, город Иавис был освобожден, а аммонитяне разбиты. Так, отразив угрозу со стороны аммонитян, государство выдержало первое испытание. Понимание необходимости объединения племен восторжествовало, великая армия поднялась, и Саула признали царем. И после его смерти народ Иависа оставался преданным своему спасителю. Когда после ужасной битвы при Гелвуде тела Саула и его сыновей были

выставлены филистимлянами на позор в Беф-Сане, они сняли их с городских стен, чтобы похоронить в своем городе.

Позже они сохранили верность единственному оставшемуся в живых Иевосфею, сыну Саула, который отомстил филистимлянам на их собственной территории.

Благодаря поддержке он оставался вплоть до своей насильственной смерти признанным наследником отцовского трона и соперником Давида в стране, расположенной к западу от Иордана, в восточной части Северного царства.

Когда Давид стал царем, дипломатические отношения с аммонитянами, кажется, начали улучшаться. Поражение, которое он нанес моавитянам, возможно, заставило его оказать милость Аннону, сыну Наасову, «за благодеяние, которое оказал мне отец его» (2 Цар., 10: 2). (Тот помогал Давиду во время войны – сам Давид говорит о гостеприимстве, оказанном ему Наасом.) Поэтому после его смерти Давид и отправил посланников к его сыну, чтобы высказать свое соболезнование.

Но представители военной партии аммонитян сказали Аннону, что эти люди присланы, чтобы шпионить за ним, теперь самое время напасть на Давида, который побил филистимлян и теперь станет искать союзников среди арамейцев. Услышав об этом оскорблении, Аннон повелел обрить каждому посланнику половину бороды и обрезать одежду до чресел. Одновременно были приведены в готовность войска и призваны наемники из Сирии.

Теперь Давиду не оставалось ничего другого, как пойти против аммонитян и небольших арамейских государств, выступивших как их союзники. После серьезных испытаний арамейцы потерпели окончательное поражение. Вторая армия под командованием Иоава в то же самое время осадила Равву. Давид вошел в покоренный город и привез в Иерусалим драгоценную царскую корону и богатую добычу.

Для Давида осада этого города имела особое значение. Когда хеттянин Урия, один из военачальников в армии Давида, принял участие в осаде города вместе с Иоавом, Давид оставался в Иерусалиме, охваченный страстью к Вирсавии, жене Урии.

Возникла трагическая ситуация, хотя оба мужчины сохраняли по договоренности все в тайне. Когда Давид узнал, что Вирсавия забеременела от него, чтобы скрыть это, приказал Урии отправиться в отпуск домой. Обеспокоенный судьбой государства, Урия отказался покинуть казармы ради комфорта и покоя в своем доме. Чтобы страсть к жене не овладела им, вечером Урия напился.

Давид понимал, что, войдя к жене, Урия нанесет оскорбление ему, царю, а этого верный слуга себе позволить не имеет права. Поэтому Урии не оставалось ничего другого, как принести в жертву свое чувство, чтобы не мешать любящим. Давид же понимал, что в этих обстоятельствах Вирсавии нужно было обязательно найти мужа.

Вот почему Давид совершенно хладнокровно решил теперь отправить Урию обратно на театр военных действий с письмом к Иоаву, где приказывал организовать «героическую смерть хетта в бою». Давид никогда не испытывал чувства вины по отношению ни к Урии, ни к Вирсавии (которая искренне оплакивала своего мужа), как, впрочем, и за смерть первого ребенка Вирсавии. Не переживал он и по поводу рождения последнего ребенка от своего с ней союза – Соломона.

После поражения Аннона Давиду не оставалось ничего другого, как нанести поражение Едому, чтобы укрепить свое царство. И аммонитяне были жестоко подавлены. На протяжении всего периода царств они больше не осмеливались нападать на Израиль, не заручившись соответствующей поддержкой. Заключая союзы с моавитянами или идумеянами, аммонитяне причиняли большие неприятности последним правителям Иудеи.

В 586 году до н. э. правитель аммонитян Ваал приказал убить наместника Иудеи Гедалию. На ход развития еврейской истории они не оказали существенного влияния. Когда император Траян создал в 106 году н. э. провинцию Аравия, аммонитян окончательно погло-

тили другие народы, в основном арабы. От них сохранилось только название города Амман – современной столицы Иорданского королевства.

В торговой политике Соломона эти территории играли важную роль, поскольку являлись перевалочным пунктом на торговом пути из Иерусалима в Дамаск и далее в Пальмиру и Фапсак. Возможно, поэтому Соломон разрешил им поклоняться главному аммонитянскому божеству Милхому и даже устроил для него капище около Иерусалима, рядом с моавитянским божеством. Интересен тот факт, что после Соломона на престол взошел его сын от брака с аммонитянкой.

Мы рассказали о государствах и народах, населявших тот район, где происходило формирование еврейской нации и где родилась цивилизация, которой было суждено испытать различные влияния, пережить катаклизмы и сохранить на протяжении многих столетий культурные и духовные ценности, которые были накоплены за всю историю их существования. Эта маленькая страна, с ее незначительным по численности населением, ничем не выделялась среди других стран и народов. Но в тех особенных отношениях, которые связывали страну и ее народ, и заключалась та особая сила, благодаря которой удалось выполнить свою непростую духовную миссию.

Глава 3

Земля обетованная: проблемы

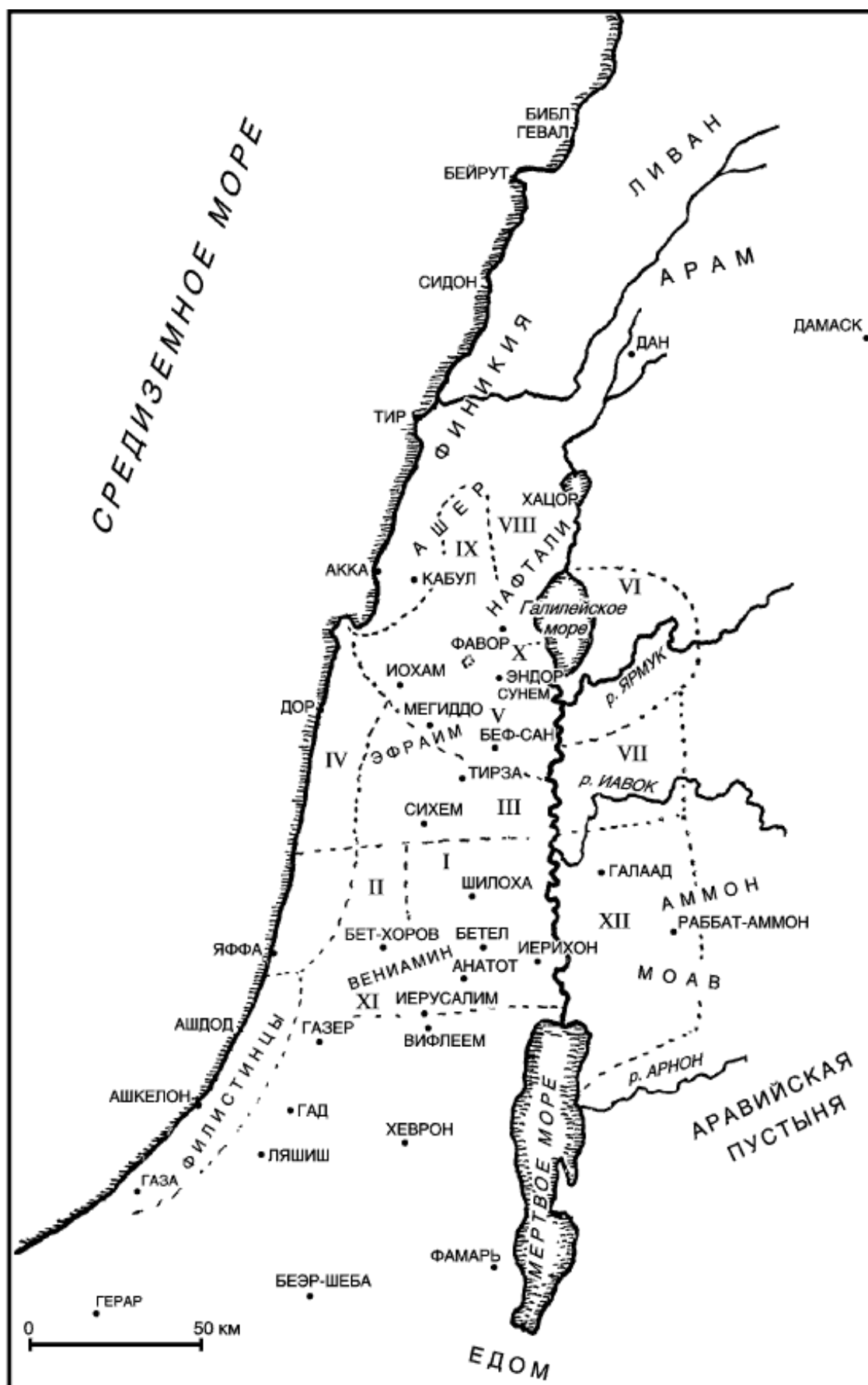
Трудно найти страну, где такой малочисленный народ, как израильский, во время первых правителей еще не ставший целостностью, смог бы сформироваться в единую нацию и развить свою культуру на территории, столь мало подходящей для этих целей, как Палестина.

Палестина представляла собой большое разнообразие в отношении почв, климата, системы ирригации и культуры землепользования. Однако подобные препятствия можно было легко преодолеть, если бы существовал естественный и общий транспортный путь, соединявший различные регионы страны.

Но хотя река Иордан и пересекала всю страну с севера на юг, перепады между ее отдельными частями оказывались значительными. Кроме того, она была не такой судоходной, как Нил или Евфрат. Иордан стремительно бежал прямо в зловещее Мертвое море – самое низкое место на поверхности Земли, куда несли свои воды реки, но откуда ничего не вытекало.

Река напоминала вещь в себе, хранила свои собственные тайны. Ее берега оказывались пологими только на очень коротком промежутке между ее источником в Хермоне до образованного ею первого небольшого озера Мером. Потом, правда, оно превратилось в болото, куда и впадал сам Иордан.

Пробившись далее сквозь базальтовые скалы, он в виде водопада прорывался к спокойному, чистому Галилейскому морю (Генисаретскому озеру, Тивериадскому морю), богатому рыбой. По соседству было множество горячих источников – живых свидетелей древних вулканических землетрясений. Отсюда река на большом протяжении своего пути практически пробивалась между крутыми известняковыми берегами – отличительной чертой почв почти всей Палестины.

Палестина в X веке до н. э.

Река бежала вдоль крутых берегов, петляла среди небольших болотистых островов, а на участках наиболее стремительного своего движения по обоим берегам ее защищали джунгли. Наконец с мощностью 130 кубических метров в секунду она обрушивала свои беспокойные воды в Мертвое море. Заметим, что исток Иордана находился на высоте почти 500 метров над уровнем Средиземного моря и прежде, чем достичь Мертвого моря, реке приходилось опуститься более чем на 1000 метров.

В ее русле, тянувшемся едва ли на сотню миль, насчитывалось множество излучин и почти ни одного прямого отрезка. Большинство притоков справа и слева наполнялись водой лишь во время короткого сезона дождей. Только с запада текли два постоянных притока: Ярмук, в котором было больше воды, чем в самом Иордане, впадавший чуть ниже Галилейского моря, и Иавок, где на одном из бродов, согласно мифологии, Иаков боролся с ангелом. Тогда впервые и упоминается Израиль.

С той же самой стороны в Мертвое море впадает другая полноводная река, чья мощь позволила ей пробить дорогу через горы, – это Арнон. Но все воды, которые вливались в это самое пустынное озеро, испарялись из-за тропической жары, и его берега оставались безводными, за исключением самых высокогорных участков.

Вдоль берегов озера тянется полоса белых соляных отложений в виде мощных конусовидных кристаллов. Как и в воде, здесь нет ни растений, ни животных. На юге поднимаются высокие соляные горы, а озеро превращается в настоящее соляное болото, со дна которого бьет горячий серный источник.

Для еврейского народа эти феномены природы стали олицетворением могущества Бога, его неусыпного внимания: некогда наказал порок, без колебаний покарав Содом и Гоморру. Внушаемый морем благоговейный страх, возможно, усиливался особой чистотой и прозрачностью его воды. Высокое содержание хлорида магния (11 процентов) способствовало быстрому осаждению любых попадавших туда загрязнений. Вот почему многие считают Мертвое море самым необычным из всех водоемов Земли.

Основные реки страны, как уже говорилось, впадают в Мертвое море. Приток воды в Средиземное море по сравнению с этим ничтожен. Из Мертвого моря вытекает лишь одна более или менее заметная река – Киссон, которая течет с плато к побережью, туда, где расположена современная Хайфа.

Примечателен факт, над которым стоит задуматься: почему ни один из больших городов не расположен на реке? С незапамятных времен полноводный Иордан независимо от количества бродов служил естественной границей между восточной частью, богатой водными ресурсами, пахотными землями, простиравшимися до самой Аравийской пустыни, и засушливым западом, который был на треть меньше, протянувшись примерно на 9000 квадратных миль от Синайской пустыни до Ливана. Именно эта территория, примыкающая к «великому» Средиземному морю, стала местом действия основных политических и исторических событий, происходивших в этой стране.

В западной части чаще встречаются горные цепи, но они гораздо ниже тех, что находятся к востоку от Иордана. Восточный берег Мертвого моря ограничен круто поднимающимися пустынными горами Иуды, чьи отдаленные восточные выступы превращаются в высокогорное плато и становятся совершенно пригодными к земледелию, как только поворачивают к Средиземному морю и получают достаточно дождевой влаги. Эта часть и образует собственно Иудею.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.